

III 5
1

— 204 —

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 23. 1863. Декабря 1.

ТАЙНА ПЕРВОРОДНАГО ГРѢХА.

УЧЕНІЕ О ЧЕЛОВѢКѢ.

Представивъ вамъ тайну, содержащую въ себѣ ученіе о мірѣ, приступаемъ теперь къ разбору тайны, заключающей въ себѣ познаніе о человѣкѣ и представляющей истинное ученіе о жизни человѣческой, т. е. приступаемъ, къ тайнѣ паденія, или къ догмату первороднаго грѣха. Эта тайна—паденія человѣка, еще больше чѣмъ тайна творенія смущаетъ рационалистовъ до того, что имъ кажется большимъ снисхожденіемъ, если они позволяютъ при себѣ упоминать лишь объ одномъ имени этой тайны. Первородный грѣхъ—это истинный кошмаръ для философіи и современной науки. Поелику же грѣхъ этотъ въ такомъ видѣ, какъ нѣкоторые его воображаютъ, дѣлается для многихъ страшнымъ пугаломъ, отнимающимъ сонъ, то мы начнемъ съ разбора этаго ученія и выведемъ его изъ—подъ мрака суевѣрія.

Одинъ человекъ, признававшійся, что сердечно ненави-
дитъ этотъ христіанскій догматъ, написалъ слѣд. слова:
«чтобы подорвать первородный грѣхъ, достаточно его изло-
жить.» Я долженъ признаться, что выраженіе это очень
справедливо, если сказать прямо напротивъ: чтобы оправ-
дать первородный грѣхъ, достаточно изложить его. Это ис-
тинная точка, отъ которой должна отправляться апологія
христіанская. Когда дѣло идетъ о нашей тайнѣ, довольно съ
насъ, если мы выскажемъ, во что мы вѣруемъ, если дог-
матическому выраженію дадимъ его истинное значеніе; тог-
да умамъ искреннимъ мы докажемъ, что дѣлаемая возраже-
нія относятся развѣ къ фантастической тайнѣ, къ вымыш-
ленному догмату. Но подобно какъ въ предыдущей тайнѣ,
такъ и здѣсь, мы пойдемъ далѣе,—покажемъ, какъ перво-
родный грѣхъ, по самому понятію своему, оправдывается у-
номъ человѣческимъ, представимъ, какимъ глубокимъ свѣ-
томъ озаряетъ онъ истинное ученіе о человекѣ.

Чтобы имѣть настоящее понятіе о паденіи человекѣ, или
о первородномъ грѣхѣ, необходимо хорошо понять слѣд.
три предмета: точку исхода, или первобытное состояніе,
самое паденіе или существо первороднаго грѣха, и слѣд-
ствіе паденія или переходъ его на потомковъ Адама.

Не малое невѣденіе относительно этихъ трехъ пунктовъ
господствуетъ въ современныхъ умахъ,—отсюда — и чрез-
вычайная легкость извращенія этаго догмата и нападокъ
на него.

И впервыхъ, господа, очень понятно, что для того, что-
бы оцѣнить то паденіе человѣческое, которое христіанство
ставитъ при колыбели человекѣ, нужно узнать состояніе,
съ котораго человекъ палъ, потому что всякое паденіе
душъ, также какъ и тѣлъ, измѣряется высотой, съ кото-

рой они падают. Оставивъ въ сторонѣ другія предположенія, разрушенныя богословами, мы можемъ различать въ первобытномъ нашемъ состояннн два положенія, въ основаннн различныя и отдѣленныя одно отъ другаго бездонною пропастью: то есть, или предполагать челоувѣчество представленнымъ самому себѣ, съ зачатками чистой природы, болѣе или менѣе такой, какую имѣеть въ настоящемъ состояннн, или же — возвеличеннымъ высокими дарами, одареннымъ совершенствомъ и красотой. Въ которомъ же изъ этихъ двухъ состояннн Богъ создалъ челоувѣчество? Въ состояннн ли чисто природномъ? Или же возвышенномъ и возвеличеннымъ сверхъ-естественными дарами?

Разсматривая это со стороны лишь *самой строгой возможности*, напередъ можно поставить здѣсь слѣдующій важный вопросъ: могъ ли Богъ, не стѣняя мудрости и благости Своей, создать челоувѣка такимъ, каковъ онъ теперь, съ тѣмъ затмѣнемъ ума, съ тѣмъ колебаніемъ воли, съ тѣми наклонностями сердца, съ тѣмъ земнымъ влеченіемъ, которое, не смотря на возвышенныя стремленія, склоняеть его долу? Могъ ли Онъ кромѣ того, что даровалъ намъ жизнь, какъ даръ любви своей, подчинить ее тяжкому закону страданія и борьбы, который вездѣ проявляется, какъ всеобщій законъ нашего бытія?

Древнне философы, глубоко пораженные противурѣчiami, обнаруживающимися въ жизни челоувѣческой, а равно и болѣзненной борьбой, которую несетъ она въ своемъ лонѣ, колебались утверждать, что челоувѣчество *могло* выйти изъ рукъ Творца *такимъ, какое оно есть*. Мыслители нашего времени, напротивъ, не только допускають возможность такого первоначального состояннн т. е. состояннн чисто естественнаго или природнаго, но даже думаютъ, что оно

единственно дѣйствительное, и что пиаго никогда и быть не могло, и считаютъ религіозною поэзіей все, что христіанское богословіе возвѣщаетъ о чудесахъ едемскихъ и роковой перемѣнѣ нашихъ прародителей. Посему — то философія ихъ перестаетъ быть христіанскою. Она не противурѣчила бы послѣдней, если бы не пошла далѣе того ипѣнія, что Богъ *могъ* сотворить человѣчество въ условіяхъ такого бытія, какое представляется теперь взору изслѣдователя. Сама церковь въ своемъ собственномъ догмѣ осудила тѣхъ учителей, которые отрицали *возможность* такого состоянія, которое обыкновенно называется состояніемъ чистой природы.*

Такимъ образомъ, если это состояніе первобытнаго сотворенія человѣка т. е. состояніе такъ называемый чистой природы абсолютно *возможно*, то противники нашего догмата не могутъ не согласиться, что оно вовсе не было необходимымъ.

Кто бы осмѣлился разумно и научно доказывать, что Богъ въ сотвореніи человѣка долженъ былъ ограничиться лишь дарованіемъ ему этихъ зачатковъ слабой природы, съ цѣлью для этой же природы приспособленною, и съ средствами для этой цѣли соответственными? Кто уполномочиваетъ насъ ставить ту или другую грѣницу щедротамъ Божиимъ? Кто могъ бы воспрепятствовать, чтобы любовь не умножа-

* Мысль невѣрная. Просимъ читателей этой статьи помнить, что она принадлежитъ проповѣднику Римско Католической церкви. Желающие знать ученіе нашей Православной объ этомъ предметѣ могутъ найти его въ посланіи Восточныхъ Патріарховъ къ Великобританскимъ Богословамъ, а также въ Догматическихкихъ богословіяхъ Преосвященныхъ Антонія и Макарія, въ сочиненіи «О конечныхъ причинахъ» (письмо о происхожденіи зла) и др. подоб. *Редск.*

ла болѣе удѣленія своихъ даровъ? Ктожь бы смѣлъ сказать, что человѣкъ таковъ, какимъ представляетъ намъ сама природа и разумъ, человѣкъ съ тѣломъ, заключающимъ миниатюру всего матеріальнаго творенія, человѣкъ—съ умомъ способнымъ естественнымъ образомъ къ воспринятію некоторыхъ лучей истины, человѣкъ съ волею, отъ природы способною къ осуществленію какого нибудь добра, человѣкъ съ сердцемъ, могущимъ биться подъ вліяніемъ истинныхъ чувствъ,—кто бы смѣлъ сказать, что этотъ человѣкъ, такъ сотворенный и въ тоже время согбенный подъ тяжестью труда и болѣзни, выражаегь собой послѣдній возможный предѣлъ благодѣанія Творца къ своему творенію? Почемужь бы къ зачаткамъ человѣческой природы, въ ея существѣ, Богъ не могъ бы милосердно и добровольно придать обилія сверхъ-естественныхъ даровъ? Отчего онъ не могъ бы одарить его умъ свѣтомъ, волю—силой, сердце—тѣми движеніями, источникъ конхъ самъ по себѣ для природы недостатень? Словомъ, кто бы помѣшалъ Его милосердію возвысить человека изъ порядка настоящаго, естественнаго до инаго—совершеннаго, и придать его красотѣ свѣтъ преображенія отблескъ своей собственной славы?

Очевидно, что нужно или признать это свободное и милосердное щедролубіе Божіе для человѣка, или же отрпнуть сотвореніе человѣка и свободу Божію. Да, скажете, это удѣленіе великихъ даровъ совершенно возможно; но учинилъ ли его Богъ? Судите сами, у насъ не объ этомъ шло дѣло. Я не доказываю теперь дѣйствительности тайны, но только ея возможность: не утверждаю ея, а только ее оправдываю. По существенному основанію христіанскаго догмата, Богъ дѣйствительно учинилъ это свободное и милосердное удѣленіе сверхъ-естественной жизни, котораго воз-

можность саму въ себѣ вы теперь видите. А сблалъ ли онъ это въ самый моментъ творенія, или-же, сотворивъ чело-
вѣка, тотчасъ облекъ его въ эту божественную ризу?—
этотъ вопросъ былъ-бы здѣсь только чистымъ богословскимъ
любопытствомъ. Догматическій же и какъ бы основной
пунктъ, около котораго вращается все дѣло искупленія, со-
стоитъ въ томъ, что Богъ украсилъ человеческую приро-
ду тѣмъ сверхъ-естественнымъ даромъ, тою освящающею
благодатию, тѣмъ вдохновеніемъ въ челоѣка божественной
жизни, со всеми ея преимуществами, совокупность кото-
рыхъ составляла въ Адамъ первобытную чистоту, правду,
вѣнцемъ которой было безсмертіе на землѣ, и созерцаніе
и лицезрѣніе Бога.

Такое дарованіе божественной жизни челоѣку вов-
се не повлекло однако-жъ за собою, какъ-бы въ не-
обходимой послѣдовательности, совершенства природы и
удаленія всѣхъ тѣхъ немощей челоѣческихъ, какимъ те-
перь мы подпадаемъ. Даже подъ этимъ священнымъ одѣян-
емъ божественной жизни Богъ могъ оставить намъ такую
слабую природу, каковую оставилъ въ возрожденномъ че-
ловѣчествѣ. Но любовь и Промыслъ Его иначе распоряди-
лись. Онъ соединилъ въ возвелченномъ имъ челоѣкѣ гар-
монію и природы и благодати. Непорочность и совершен-
ство природы Божиимъ хотѣніемъ соединены съ твердостью
благодати освящающей такъ, что если-бы одной не стало,
то и другая не могла остаться. Это первобытное совер-
шенство, этотъ первобытный порядокъ состоялъ въ томъ,
что разумъ былъ подчиненъ истинѣ, воля подчинена разуму,
страсти подчинены волѣ, все твореніе подчинено челоѣку,
а челоѣкъ, съ умомъ открытымъ для всякой истины, съ
волей готовой на всякое добро, сердцемъ полнымъ любви,

тяготящей къ своему источнику, — человекъ весь былъ подчиненъ Богу.

Послѣ этого предварительнаго понятія о первобытномъ состояніи человекъ, легко понять, на чемъ основывается самое паденіе и существо первороднаго грѣха.

Богъ, надѣливъ человекъ по своей волѣ сверхъ-естественными дарами, могъ сохраненіе этихъ даровъ обусловить такъ, какъ ему было угодно, подобно тому, какъ монархъ ставитъ условія, подъ которыми можно пользоваться известными преимуществами. Богъ, для увѣковѣченія въ потомствѣ Адама свободныхъ даровъ своей любви, могъ желать отъ человекъ испытанія — и вохотѣлъ произвести такое испытаніе. Какъ условіе постояннаго пребыванія первобытной благодати и гармоніи изъ нея вытекающей, Богъ поставилъ обязанностію послушаніе. Подобно монарху онъ хотѣлъ подчиненности отъ своего приставника — царя творенія. Что касается свойства самаго предмета, съ которымъ могло быть связано узпаніе этой верховной божественной воли и проявленіе зависимости человекъ, — то это вещь здѣсь совершенно второстепенная. Главное здѣсь — послушаніе, или объявленіе покорности. Философы наши нерѣдко позволяютъ себѣ подсмѣиваться надъ несчастнымъ яблокомъ, которое сдѣлалось плодомъ погибели. Но это не болѣе, какъ неразумная игра ума надъ предметомъ столь важнымъ. Когда Богъ повелѣваетъ, то разница между предметами, которыхъ касается это повелѣніе, есть уже мелочь. Для него ничего нѣтъ ни великаго ни малаго, — все отстоитъ отъ него на безконечное разстояніе.

Вотъ вамъ историческое основаніе тайны: приставникъ не выполнилъ условія, какое предложилъ ему Владыка. Обладая вполнѣ свободой и ясно сознавая преступленіе, чело-

вѣкъ предпочелъ свою волю повелѣнію Божію: на высочайшее благодѣяніе отвѣтилъ пренебреженіемъ и возмущеніемъ. Съ тѣхъ поръ Богъ отстранился отъ человѣка, а тотъ оттолкнулъ даръ Божій и довершилъ человѣческую погибель. Отдалились отъ человѣка первобытная праведность и благодать освящающая со всеми преимуществами, которыя связала съ ними высочайшая любовь. Спала съ него та одежда сверхъ-естественной красоты, тотъ небесный блескъ, которымъ приукрасила его благодать Божія, — и человѣкъ остался нагимъ т. е. лишеннымъ не преимуществъ и свойствъ своей природы, но преимуществъ благодати и свободныхъ даровъ любви: такъ точно любимецъ великаго монарха нерѣдко, въ наказаніе за своеволие, лишается привилегій и почестей государственныхъ. Поелику-же, по первобытному плану, непорочность природы была связана съ пребываніемъ этихъ сверхъ-естественныхъ преимуществъ, то съ потерю послѣднихъ, утрачена вѣ эта непорочность и человѣкъ, лишенный сверхъ-естественныхъ даровъ, остался пораженнымъ въ самой природѣ, не тою всецѣлою язвою, которая портитъ природу, но касающеюся здоровья, которымъ наслаждался онъ предъ своимъ паденіемъ и которымъ долженъ былъ пользоваться навсегда. Отсюда въ человѣкѣ разстройство природы, слѣдствіе возмущенія, нарушившаго равновѣсіе. Отсюда невѣдѣніе, похотѣніе или страсти, обращенныя противу собственнаго предназначенія; отсюда то тяготившее, которое человѣка, оторваннаго отъ неба, влечетъ къ землѣ; отсюда человѣкъ подчиненъ закону борьбы, закону страданія и смерти; отсюда-то наконецъ, что особенно нужно замѣтить, человѣкъ, лишенный наследія и какъ-бы отвращенный отъ Бога, то-есть лишенный правъ созерцанія и лицезрѣнія Бога — способомъ сверхъ-естественнымъ, правъ,

добровольно дарованныхъ благию Божію и добровольно же отринутыхъ непокорностію чловѣка, лишеніе которыхъ выражается словомъ *осужденіе*, взятымъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, — и поставилъ въ основаніе то, что мы называемъ *грѣхомъ первороднымъ*.

Какое-же, поэтому, право имѣеть разумъ отвергать такъ понимаемый первородный грѣхъ? Надѣленный милостями совершенно незаслуженными, чловѣкъ за возмущеніе наказанъ ихъ отнятіемъ; обнаженный, вмѣстѣ и разстроженный, онъ не въ состояннн теперь самъ собою пріобрѣсть утраченное величіе и потерянную гармонию. И что-же, спрашиваю васъ, вы видите въ этой катастрофѣ и карѣ такого, что бы возмущало разумъ? Учишень положительный поступокъ, — это содѣянный грѣхъ, за нимъ послѣдовало лишеніе и язва, лишеніе въ области сверхъ-естественной и язва въ естествѣ, язва относительная, не портящая и не измѣняющая существа души, но уничтожающая равновѣсіе и гармонию первобытнаго состояннн. Возмущеніе чловѣка составило дѣйствительный грѣхъ, развѣчаніе т. е. лишеніе верховныхъ даровъ — обыкновенное состояннн, и это то состояннн передалъ онъ своему потомству. Святые отцы, соборы называютъ эту потерю первобытнаго достояннн *смертію души*: потерю жизни и цѣли, которую намъ Богъ предназначилъ, и которой достигнуть не только дала намъ право Его благию, но и поставила еще обязанностію.

Для чего Богъ установилъ такой порядокъ? Для чего въ надѣленнн своихъ даровъ поставилъ такое условіе? Для чего непорочность природы подчинилъ пребываннн сверхъ естественнаго дара? Для чего желалъ, чтобы какъ гармонія естества связана была съ благодатнн освящающею, такъ и цѣль естественная подчинена была цѣли сверхъ ес-

тественной, и притомъ такимъ образомъ, что человекъ, лишившись послѣдней, не могъ обладать и первой? Для чего?... можете безъ конца дѣлать такіе вопросы. Но здѣсь то и есть тайна, тайна воли Божіей! Быть можетъ, вы иного бы хотѣли, вы желали бы, чтобы міръ былъ совершеннѣе, чтобы въ немъ грѣхъ былъ невозможенъ, а человѣческая воля была-бы ограниченная однимъ лишь выборомъ добра. Таково, быть можетъ ваше желаніе. Но Богъ не творилъ по вашимъ соображеніямъ, и не смотря на то, не возможно вамъ найти въ его твореніи ничего такого, чтобы противилось разуму.

Но, скажете, намъ не въ этой трудности дѣло. Мы понимаемъ личное паденіе Адама; но насъ возмущаетъ слѣдствіе этого паденія въ его потомствѣ. Понимаемъ заблужденіе его и даже кару, но насъ поражаетъ ответственность происшедшихъ отъ него поколѣній, — это грѣхъ первородный не въ Адамѣ, но въ потомствѣ Адама. И дѣйствительно не можемъ согласиться съ этимъ, не отрекшись отъ разума. Какимъ образомъ существа, еще не существующія, могли имѣть участіе въ заблужденіи, совершенномъ еще предъ ихъ рожденіемъ, — что это за ответственность, которой даже допустить нельзя? Какимъ образомъ воля какого бы то ни было человека могла обнимать, физически ли, морально ли, волю всѣхъ тѣхъ, которые имѣли отъ него произойти, коль скоро мы вовсе не ставили Адама своимъ представителемъ и всеобщимъ согласіемъ не уполномочивали его грѣшить за насъ? Какимъ образомъ люди изъ лонона матери выносятъ порчу въ тѣлѣ и въ душѣ пятно, которое есть слѣдствіе одного лишь человѣческаго рожденія и происхожденія отъ Адама? Словомъ, какимъ образомъ, въ виду этихъ затрудненій, которыя представляются уму

каждаго, можно оправдать предъ разумомъ первородный грѣхъ?

Въ этомъ, если я не ошибаюсь, состоятъ все ваши недоумѣнія, господа. Вамъ вѣроятно даже кажется, что вы насъ очень затруднили ими. Не безпокойтесь, каждое изъ нихъ не устоитъ предъ лицомъ истины; однимъ отвѣтомъ можно отразить всехъ ихъ; онѣ поражаютъ не первородный грѣхъ, а какой-то вымышленный догматъ. Ибо гдѣ, спрошу васъ, Церковь огласила за догматъ наше соучастіе въ грѣхѣ Адама? Мы, въ полномъ значеніи,—жертвы преслушанія Адама, но не соучастники его. Адамъ соучастниками имѣлъ только жену и змія, искушителя жены. Совзволеніе, относительно свободное, о которомъ говоритъ богословіе, относится къ внутреннему состоянію отдѣлившейся, павшей души, но не влечетъ за собой необходимо никакого соучастія въ личномъ грѣхѣ перваго человѣка.

Желаете знать, какъ учить Церковь объ этой передачѣ первороднаго грѣха, затемняющей вашъ разумъ? Церковь учить, что Богъ, кромѣ начатковъ естественныхъ, одарилъ человѣка дарами своей благодати и что Адамъ, вслѣдствіе своего непослушанія, вмѣстѣ съ потомствомъ лишился этихъ даровъ; осталась ему только слабость природы, которой Богъ не былъ обязанъ пособлять, и помощь достиженія цѣли, предназначенной ему Богомъ. Что-жь тутъ, спрашиваю васъ, есть страннаго въ этой передачѣ дѣтямъ отцовскихъ недостатковъ? Развѣ это не всеобщій порядокъ вещей, что подобныя раждаютъ подобныхъ и передаютъ потомству своему какъ страданія такъ и преимущества отцовскія? Что тутъ страннаго, если въ общественной жизни гражданинъ или какой нибудь сановникъ, лишенный правъ за преступленіе, оскорбившее величіе монарха, не передаетъ уже сво-

имъ дѣтямъ утраченнаго достоинства? Откуда-жь это нерациональное желаніе называть въ Богѣ страннымъ то, что такъ естественно и просто въ человѣкѣ?

Васъ поражаетъ связь между наготою и бѣдствіемъ отца и его потомства? Но эту связь вы встрѣчаете вездѣ; вездѣ философія ваша найдетъ положительные доводы къ ея оправданію. Дѣти не должны отвѣчать за неправоту отцовъ, скажете вы? Но неужели вы убеждены въ этомъ? Неужели вы увѣрены, что потомство не должно раздѣлять тяжести отцовской вины? Развѣ сосчитали вы всѣ перво-родные грѣхи, начало которыхъ исторія указываетъ вамъ въ поколѣніяхъ человѣческихъ, и съ теченіемъ времени— ихъ печальныя послѣдствія? Развѣ не слышали этаго громкаго и безпристрастнаго голоса исторіи, которая раскрываетъ вамъ прирожденные грѣхи родовъ, общіе грѣхи народовъ, наслѣдственные грѣхи семействъ? Развѣ не видѣли, какъ она пальцемъ указываетъ на чело известнаго поколѣнія, или какого нибудь негоднаго и павшаго семейства, ясные знаки, свидѣтельствующіе о томъ, что зло перешло чрезъ эту кровь, еще струящуюся, и неугасло, несмотря на продолжительность времени?

Вы дерзко проповѣдуете, что соотношеніе зла между предками и потомствомъ невозможно, безбожно, что это ужасный догматъ, возмущающій сердце, безпокоящій разумъ, достойный презрѣнія со стороны даже самой религіи. Ахъ! Если вы такъ высоко начинаете, то остерегитесь, чтобы я, съ высоты своего ученія, не посмотрѣвъ глазъ-на-глазъ вамъ въ лицо и чтобы взоръ мой, на васъ устремленный, не открылъ пятна, которое бы васъ уличило и противу васъ-же засвидѣтельствовало! Неужели вы увѣрены, что когда обратите на меня свои глаза и откроете мнѣ свое чело, на

которомъ рисуется весь человекъ, неужели вы увѣрены, что не окажется никакихъ видимыхъ слѣдовъ отдаленной или близкой вины и неправоты кого нибудь изъ вашихъ отцовъ? Сколько, быть можетъ, между вами такихъ, которые, помимо воли и возможности избавиться, переносятъ тяжесть болѣзней и страданій, не входящихъ даже въ общій итогъ попущенія, наслѣдованнаго нами отъ прародителя?

Едва смѣю еще прибавить: развѣ нѣтъ между вами, быть можетъ, такихъ, которые также будутъ адами преступниками и вовлекутъ свое потомство въ (солидарность) сообщество съ собою въ извращеніи природы, порчи крови, въ растратѣ силы и красоты жизни? Ахъ! если такъ будетъ, то безъ сомнѣнія дѣти, подлѣ тяжести вашей вины, и подлѣ пятномъ вашихъ пороковъ, будутъ нѣкогда вопіять, роптать на васъ и досадовать; но если ихъ сердце обвинить человека, то разумъ никогда не обвинитъ Бога; они не будутъ усиливаться убѣдить его въ несправедливости или жестокости зато, что позволилъ человеку передать потомству своему свои собственные недостатки и бѣдствія.

Да, по истинѣ тайна первороднаго грѣха не станетъ прибѣгать къ покровительству разума и не нуждается въ его снисхожденіи. Ясно опредѣленная, здраво понятая она оправдываетъ сама себя, какъ и всѣ тайны, основанныя на Словѣ Божіемъ.

Но намъ остается еще кое-что подробнѣе и обстоятельнѣе высказать объ этомъ предметѣ. Вы увидите, надѣюсь, что эта черная точка, которая устрашаетъ васъ при колыбели рода человѣческаго, есть истинное свѣтло, освѣщающее ученіе о человекѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАШЕФРИИ

ПО ПОВОДУ НАРОДНАГО ОБЫЧАЯ НАЧИНАТЬ ОБУЧЕНИЕ ДѢТЕЙ
ГРАМОТЪ СО ДНЯ СВ. ПРОРОКА НАУМА—1 ДЕКАБРЯ,

«Одинъ пророкъ Наума на-
водитъ на умъ.»

(Народн. поговорка.)

Съ незапамятныхъ временъ, быть можетъ, еще со времени изобрѣтенія (въ IX вѣкѣ) славянской письменности, съ перваго Декабря, — день, въ который, какъ извѣстно, празднуется память св. пророка Наума, — наши древнѣйшіе предки начинали обыкновенно учить своихъ дѣтей грамотѣ. Обычай этотъ заимствованъ ими у грековъ. Извѣстно, что народно христіанское мировоззрѣніе грековъ, перешедшее отчасти въ послѣдствіи и къ славянамъ, каждую область жизни физической и нравственной подчиняла непосредственному наблюденію и господству одного изъ чтимыхъ церковью святыхъ. И подобно тому, какъ по ученію церкви, нѣкоторымъ изъ св. ангеловъ ввѣрены для храненія части міра и различныя отрасли міроустройства, такъ, по вѣрѣ народной, нѣкоторымъ святымъ вручена Богомъ власть надъ разными областями міра физическаго и нравственнаго. Можно бы представить здѣсь цѣлый рядъ свидѣтельствъ на это изъ греческихъ писателей, но для нашей цѣли достаточно знать, что такое мировоззрѣніе отчасти перешло и къ нашимъ предкамъ. Сохранилось отъ древности цѣлое *сказаніе, кіилъ святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны*. Такъ въ этомъ сказаніи, напр, громъ и молнія, бездождіе и ведро народная вѣра отдавала въ вѣденіе пророку Или; сохраненіе скота отъ съѣденія звѣрей—св. великомуче-

нику Георгію; даръ грамоты, каллиграфіи и всякаго полезнаго ученія—св. Іоанну Богослову, безсребренникамъ Косьмъ и Даміану и особенно пророку Науму.

Въ одной азбуковникъ XVII вѣка сказано: «есть обычай многимъ (учащимся) совершати молебная святымъ безсребренникамъ Косьмъ и Даміану и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать.» * Въ прописяхъ азбуковниковъ XVII вѣка находка такой стихъ:

«Святый апостоле и евангелисте *Іоанне Богослове*, на тайной вечери возлегій на персѣ Христовѣ, вразуми мя и научи добръ писати

Якоже онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изобразати, Святый пророче Божій *Науме*, вразуми мя и накажи своею милостию и благодатию, добръ руководствію навывкати.» Русскій народъ просвѣщеніе людей грамотою въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, исключительно приписываетъ пророку Науму, и съ того дня почти вездѣ, какъ въ сѣверней, такъ и южной Россіи, простой народъ начинаетъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ.

Кромѣ созвучія имени пророка *Наума* съ просвѣщеніемъ и образованіемъ *ума*, основательному развитію котораго полагается начало именно обученіемъ грамотѣ, еще многія другія причины располагали русскій народъ начинать обученіе своихъ дѣтей съ перваго Декабря, а не съ перваго напр. Ноября, когда также празднуется память святыхъ, считавшихся покровителями просвѣщенія, св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана. Конецъ весны, все лѣто и начало осени не благоприятствовали сельскому люду отдавать своихъ дѣтей въ наученіе книжное. Въ продолженіи всего

* Чтен. Моск. общ. истор. и древн. рос. 1861 г. кн. IV. стр. 23.

этого времени и на полях, и на лугу, и дома на дворе всегда найдется работа и небольшим дѣтямъ. Нѣтъ нужды указывать здѣсь, какая работа возможна въ деревнѣ для десятилѣтняго или двѣнадцати-лѣтняго мальчика: кто жилъ или живетъ среди поселянъ, тотъ знаетъ, что въ семьѣ каждаго хозяина въ указанное время никто не остается безъ дѣла. Но вотъ къ первому числу перваго зимняго мѣсяца всѣ полевья работы совершенно оканчивались, поселяннинъ уже мало нуждался въ пособіи своихъ малолѣтнихъ дѣтей, прекращался подножный кормъ скота, при чемъ постоянно необходимъ былъ чей нибудь присмотръ; тутъ приходилъ Наумъ, и напоминалъ нашимъ предкамъ, что *пора ужь браться и за умъ* своихъ дѣтей. Матеріальное благосостояніе семейства уже обезпечено лѣтними и осенними трудами, теперь можно отдать дѣтей и въ науку. Правда, безъ особенной помѣхи еще и раньше это можно было бы сдѣлать: уже къ первому Ноября всѣ почти работы оканчивались; но предкамъ нашимъ въ Ноябрь мѣсяцъ предстояло еще много хлопотъ. Двадцать шестаго Ноября былъ, такъ называемый, Юрьевъ осенній день, а за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевъ днѣ осеннемъ крестьяне русскіе переходили отъ одного землевладѣльца къ другому; и вотъ почти цѣлый мѣсяцъ проходилъ въ счетахъ, расчетахъ, въ сдѣлкахъ и условіяхъ. Подниматься съ мѣста со всеми животами и расчитываться за пожилое, — на это нужно было не мало времени и хлопотъ, тутъ было не до ученія и ученикамъ и учителямъ. Въ послѣдствіи времени, когда царь Борисъ Годуновъ остановилъ переходъ крестьянъ и укрѣпилъ ихъ за владѣльцами, объ Юрьевъ днѣ (осеннемъ) собиравлись разные оброки, изъ которыхъ нѣкоторые и доселѣ называ-

ются *юрьевскими оброками*, и потому все-таки Ноябрь мѣсяцъ былъ не вполнѣ мѣсяцъ спокойный и свободный. У кого были дѣти и кто думалъ и имѣлъ возможность ихъ учить, не отводилъ ихъ въ школу до *Наула*. Въ послѣднихъ числахъ Ноября только условливались заранѣе касательно платы за ученіе съ приходскимъ дьякомъ или другимъ ученымъ лицомъ, и тутъ же узнавали, въ какой день приходится праздникъ пророка *Наула*. Перваго Декабря все семейство, въ которомъ имѣлся кандидатъ на азбуку, отправлялось въ церковь, гдѣ, послѣ обѣдин, служили молебень, испрашивая благословеніе Божіе на отрока. Въ назначенный часъ учитель являлся въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю съ просьбами научить уму—разуму и за лѣность учащать побоями. Мать, по обыкновснiю, стоя у двери, должна была плакать; иначе худая молва пронеслась бы во всемъ околоткѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, обязанъ былъ сотворить ему три земныхъ поклона. Такъ установлено было нашими предками. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сакала сына за столъ, вручала ему узорчатую костьяную указку, учитель развертывалъ азбуку и начиналось ученіе: *азъ земля—ерѣ—азъ*. Мать усугубляла свой плачь и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ *азѣ* оканчивалось первое ученіе. Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками. Отецъ награждалъ учителя хлѣбомъ, мать полотенцемъ отъ своихъ трудовъ. Проводы и угощенiи продолжались до воротъ. На другой день ученика отправляли къ учителю съ азбукой и указкой. Матуш-

ка снаряжала съ сыномъ огромный завтракъ и подарокъ для учителя, который состоялъ изъ домашнихъ птицъ.*

Такъ водилось встарину на святой Русь; тоже, съ небольшими только измѣненіями, происходитъ и теперь. Въ нашихъ деревняхъ и во многихъ городахъ ученіе дѣтей и теперь начинается «съ Наума,» и теперь, какъ и прежде, народными учителями остаются въ очень многихъ мѣстахъ тѣже приходскіе дьячки, и теперь, къ сожалѣнію, ученіе начинается съ трудныхъ и непонятныхъ азъ — земля — врь — азъ.

(Еще въ очень немногихъ мѣстахъ учатъ вмѣсто азъ — буквы, а бе-ве; а еще рѣже учатъ по новымъ, болѣе легкимъ методамъ). Трудъ учителей и теперь награждается болшею частію хозяйственными произведеніями, — зерномъ или мукою; рѣдкіе за выучку «граматки» платятъ 2 рубля ассиг., и еще рѣже карбованецъ, т. е. 1 руб. сер. Повсемѣстно только, кажется, вывелся обычай знакомить ученика съ учителемъ посредствомъ плети; рѣдкія теперь изъ матерей голосятъ, отдавая сына въ науку.

Думаемъ, что многіе и въ настоящемъ году ждали только «Наума,» чтобъ начать ученіе своихъ дѣтей. Не одною тысячею и не двумя болше противъ прежняго станетъ у насъ людей грамотныхъ. Дай только Богъ, чтобъ грамотность всѣмъ пошла въ пользу! Къ этому общему желанію мы хотимъ прибавить еще нѣсколько благожеланій, исполненіе которыхъ весьма порадовало бы сердца всѣхъ нашихъ друзей народа. Мы желали бы, чтобъ учащихся у насъ было сколько возможно побольше, чтобъ одинаково учились и мальчики и дѣвочки, чтобы ученіе съ молитвою къ Богу начиналось не только съ «Наума,» но и каждый

* Сказаніе русскаго народа, собранныя Сахоровымъ. Т. II. кн. VII. стр. 67, 68.

день, когда есть къ тому возможность, — чтобъ учителя оставили не только старо-русскую плетку съ березовой кашей, но и всякія заушенія и другія старыя школьныя побужденія къ скорѣйшему прілітію ученія. Наконецъ, мы сильно бы желали, чтобы въ нашихъ сельскихъ школахъ поскорѣе привились лучшіе способы и новыя методы обученія грамотѣ. На послѣднемъ желаніи мы остановимся и скажемъ по поводу его нѣсколько словъ, которые мы считаемъ весьма не лишніи въ настоящую минуту.

Кому судьба не представила счастья выучиться грамотѣ, что называется, играючи подъ руководствомъ матери или старшихъ братьевъ и сестеръ, когда они еще сами учились на дому, тотъ знаетъ, какъ горекъ корень ученія, какъ трудно достается изученіе азбуки. Сколько нужно труда и времени, чтобъ сначала затвердить въ порядкѣ буквы, вызубрить склады и понять наконецъ, какъ напримѣръ изъ *шпръ-ять-буки-пръ* выходитъ *шльбъ*, или-же по другой методѣ изъ *ха-ель-ять-бе-пръ* тоже выходило *шльбъ*, а не *хаельятьбельръ*. Сколько потрачено силъ на такой механической и притомъ самый мучительный трудъ какъ для учителя, такъ и для ученика. Послѣдній сотни разъ долженъ повторять одно и тоже, и совершенно машинально затверживать подсказываемое. Цѣлыя недѣли и мѣсяцы проходили на то, что можно было сдѣлать много — много недѣли въ двѣ. Мы здѣсь не будемъ касаться того вреда, который приносило такое обученіе грамотѣ дѣльнѣйшему образованію, забывая голову ученика и не представляя ни какого повода къ развитію умственныхъ его силъ. Скажемъ только, что отъ такого метода обученія зависитъ едва ли не больше всего скудость въ грамотныхъ людяхъ въ простомъ народѣ. Не мало бы можно было представить при-

нѣровъ, что и учившіеся грамотъ оставались и остаются безграмотными. По видимому странно, а между тѣмъ совершенная правда. Народъ цѣнить время очень дорого, и потому не много можетъ удѣлить его для книжнаго обученія своихъ дѣтей. Когда мальчикъ становится способнымъ учиться, онъ годенъ уже на помощь и въ хозяйствѣ; и потому, при всемъ желаніи учить и учиться, только часть осени, зиму, и много если еще одинъ весенній мѣсяць, можно бываетъ удѣлить собственно на науку; остальное время мальчикъ необходимъ бываетъ въ хозяйствѣ. Чему же можно выучиться въ такой короткій срокъ при старой, весьма продолжительной и утомительной методѣ? Хорошо, если за одинъ такой короткій учебный годъ мальчикъ научится разбирать кое-какъ грамоту. На другой годъ приходится большею частію начинать обученіе вцовъ. Не бравши большую половину года книги въ руки, мальчикъ нерѣдко забываетъ даже названіе нѣкоторыхъ буквъ (этому мы очень часто видали примѣры), и такимъ образомъ нужно опять цѣлую половину второго учебного года употребить на повтореніе прошлогодняго и немного только пойти впередъ. И нерѣдко встрѣтить, что мальчикъ, учившійся два года, едва-едва читаетъ по складамъ. Рѣдкому мальчику приходится проводить въ школѣ и третій годъ; такіе старжки—школьники очень рѣдки: родители двухлѣтнее обученіе въ школѣ считаютъ (и можетъ быть основательно...) весьма достаточнымъ для обученія и потому спѣшатъ забрать своихъ дѣтей изъ школы и спѣшатъ приучить къ хозяйству или къ какому нибудь ремеслу. Понятное дѣло, что учившіеся такимъ образомъ выйдутъ небольшими грамотниками; ихъ легко можно узнать въ приходскихъ церквахъ; грамотность свою они высказываютъ тѣмъ, что иногда въ цер-

квахъ на молебнахъ и панихидахъ имъ даютъ читать «Святый Боже» и «Отче нашъ,» да больше они ничего не въ состояннн прочитатъ сноснымъ образомъ. Успѣхи такого рода мы замѣчали не только въ школахъ собственно приходскихъ, какіе содержали прежде и теперь содержатъ сельскіе дьячки, діаконы и священники, но и въ школахъ официальныхъ, напр. находящихся въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, или по просту въ волостныхъ школахъ. Между многими другими причинами, вслѣдствіе которыхъ такъ незавидно шло дѣло образованія государственныхъ крестьянъ въ упомянутыхъ школахъ, неудовлетворительность метода первоначальнаго обученія едва-ли не была главною причиною того, что существованіе этихъ школъ не произвело никакого замѣтнаго вліянія на развитіе народа, не смотря на то, что эти школы существуютъ не со вчерашняго дня...

Грустно однако здѣсь не столько это, сколько то, что не видно, даже желанія сколько нибудь поправить дѣло. Сколько намъ извѣстно, наши сельскіе учителя даже не подозреваютъ, что школьное дѣло можно вести и лучше, и успѣшнѣе, и легче, и скорѣе. Сколько мы ни видали школъ, ни въ одной изъ нихъ не замѣчали стремленія сдѣлать дѣло первоначальнаго обученія сколько нибудь легче, понятнѣе для учениковъ. *Ветхозавѣтная* метода обученія азбуки посредствомъ механическаго заучиванія сначала буквъ а потомъ складовъ вездѣ господствуетъ самымъ несокрушимымъ образомъ. Говоримъ *ветхозавѣтная* метода: потому, что она была въ употребленнн еще у древнихъ іудеевъ, потомъ у грековъ и римлянъ. Нужно впрочемъ при этомъ замѣтить, что хотя древніе, напримѣръ, іудеи учились по такому способу, по какому учились все мы, однако имъ доставалось

несравненно легче, чѣмъ намъ, восходить на высоту книжной премудрости.

Въ древности буквы имѣли одно только прописное начертаніе; такъ называемыхъ строчныхъ буквъ тогда не было, а главное — названіе буквъ большею частію заимствовалось отъ названія предметовъ, съ которыми они имѣли сходство по начертанію; напримѣръ еврейская буква *айнз* похожа на очертаніе глаза, а *айнз* по еврейски значитъ *глазъ*. Этимъ значительно облегчалось заучиваніе буквы. Несмотря на это, уже въ глубокой древности сознавали трудность обученія грамотѣ по общепринятому и у насъ способу, и придумали разные облегчительные средства удобнѣе выучить ея грамотѣ. Такъ напр. греческій писатель Филостратъ рассказываетъ, что одинъ софистъ, по имени Продъ, у котораго былъ сынъ съ весьма слабою памятью, выбралъ ему въ товарищи 24 мальчика, назвалъ ихъ именами буквъ, и сынъ его такимъ образомъ скоро запомнилъ названіе буквъ. А одинъ греческій грамматистъ, Каллианъ, написалъ букварь въ видѣ трагедіи въ стихахъ, въ которой дѣйствующими лицами были 24 буквы, которыя выходя на сцену въ краткихъ монологахъ характеризировали себя.

У насъ въ древней Руси не встрѣчается никакихъ другихъ способовъ изученія грамоты, кромѣ обыкновеннаго общеупотребительнаго. Что приняли наши предки отъ греческихъ учителей, приходившихъ къ намъ во множествѣ еще со временъ св. Владиміра, то оставалось неизмѣннымъ; да и измѣнять что нибудь считалось дѣломъ нехорошимъ. Поэтому всѣ древне-русскіе азбуковники очень похожи другъ на друга и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень разнятся отъ нашихъ еще употребительныхъ букварей.

Въ новой Руси, особенно послѣ введенія Петромъ Вел.

Отакъ называемой гражданской азбуки, являются попытки, хотя, довольно слабыя, облегчить и улучшить первоначальное обученіе. Некоторые, напримѣръ; пытались учить грамоту, какъ училъ, упомянутый выше, греческій ученый, съ некоторыми только измѣненіями. Учитель переименовывалъ учениковъ названіями буквъ, ставилъ ихъ въ кружокъ или въ рядъ, смотря потому какъ позволяло мѣсто; затѣмъ ученикъ, носящій имя *а*, называя себя громко по имени, подходилъ къ *б*, который также себя называя, вмѣстѣ съ *а*, выступалъ изъ ряда, а всѣ прочіе говорили хоромъ *аб*. Потомъ *а* подходилъ по очереди къ *в*, *г*, *д* и т. далѣе, а хоръ по мѣрѣ того громко твердилъ: *ав*, *аг*, *ад* и т. далѣе.

Къ облегчительнымъ средствамъ, придуманнымъ для легчайшаго и скорѣйшаго заучиванія буквъ, нужно отнести также извѣстныя у насъ азбуки съ картинками, въ довольно большомъ количествѣ начавшія появляться на Руси со времени Петра. Извѣстно, что въ этихъ азбукахъ при каждой буквѣ изображенъ предметъ, названіе котораго начивается съ этой буквы; такъ напр. при *А* изображенъ паранъ, при *Б* будка и т. далѣе. Въ другихъ-же азбукахъ изображаются животныя, крики которыхъ имѣютъ сходство съ звуками буквъ; такъ напр. при *Ч* изображенъ чиликающій воробей, при *С*—шипящая змѣя и т. далѣе.

Поистинное дѣло, что всѣ эти облегчительныя способы не столько облегчали ученіе, сколько забавляли дѣтей, и педагоги конечно не могли удовольствоваться этимъ; а занимавшіеся постоянно первоначальнымъ обученіемъ дѣтей, образованные учителя не переставали заботиться, чтобъ облегчить дѣло первоначальнаго обученія. Къ счастью, русскіе педагоги не предстало нужды выдумывать, что нибудь новое; имъ только стоило воспользоваться, умѣючи,

тѣмъ, что западная педагогія успѣла выработать истинно полезнаго и дѣльнаго. Татѣ дѣйствительно и было. У насъ появился методъ ланкастерскій, методъ Жакото и другіе извѣстные на западѣ, прославившіеся тамъ тою пользою, какую принесли они для образованія западнаго челоувѣчества. Но конечно этими способами обученія у насъ могли воспользоваться очень немногія школы. Только въ нѣкоторыхъ столичныхъ школахъ и въ очень немногихъ провинціальныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, былъ напр. въ употребленіи методъ ланкастерскій, и только въ послѣдніе два—три года, когда по всѣмъ почти городамъ появились въ такомъ множествѣ и воскресныя и будничныя школы, быстро начали распространяться вездѣ и новые методы обученія. Въ одинъ или въ два года почти вездѣ въ этихъ школахъ сдѣлалась общеупотребительною извѣстная метода обученія грамотѣ г. Золотова. На долю его выпало рѣдкое счастье, принести столько пользы въ дѣлѣ распространенія здравыхъ понятій о первоначальномъ обученіи. О методѣ г. Золотова много тогда писали не только въ свѣтскихъ, но и духовныхъ журналахъ.* Съ легкой руки, прославившагося по всей Россіи педагога, начали въ множествѣ издаваться буквари съ различными наставленіями учителямъ и безъ такихъ наставленій, какъ по легче и по скорѣе выучить учениковъ грамотѣ. Азбуки Главискаго, Дермантова и К^о, Завадскаго и др., казалось, навсегда вытѣснятъ собою старыя азбуки, и вотъ — вотъ начнется новая эра обученія. Но напрасно!... Не долгое существованіе упомянутыхъ школъ помѣшало распространиться новымъ методамъ въ сельскихъ

* Сколько помнится, въ Кіев. Епар. Вѣд. въ первый годъ ихъ существованія помѣщена была дѣльная статья о преподаваніи грамоты по методѣ Золотова.

школахъ, такъ что теперь даже и тамъ, гдѣ ученики и учителя имѣютъ новыя руководства, напр. азбуки Главинскаго, и тамъ обученіе идетъ по старымъ преданіямъ.

Было-бы совершенно неблагоразумно обвинять за это нашихъ сельскихъ учителей: каждый изъ нихъ учитъ большею частію тому, что самъ знаетъ, и учитъ такъ, какъ его учили. Откуда-же было взять имъ умѣнье преподавать по улучшеннымъ и легчайшимъ способамъ? Педагогическихъ журналовъ, да и вообще журналовъ, они не знаютъ; пріобрѣтать выходящія вновь руководства у нихъ нѣтъ средствъ, да они не могутъ знать, какія гдѣ выходятъ руководства. Но пусть кто нибудь изъ нихъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и имѣлъ-бы возможность пріобрѣсть новыя руководства, пусть даже у него было-бы и желаніе улучшить обычный способъ преподаванія. Но какъ ему убѣдиться, который изъ многихъ еуществующихъ способовъ лучший? Одни говорятъ про методъ Золотова, другіе — Жакото, третіе — Ланкастерскій, четвертые — звуковой и т. далѣе, такъ, что добросовѣстный, но не опытный сельскій учитель, хотя-бы вполне чувствовалъ крайнюю недостаточность старо-древняго способа обученія грамотѣ, совершенно не знаетъ на чемъ остановиться. Попадется, пожалуй, ему въ руки новое руководство, онъ начинаетъ преподавать по немъ. Случится дальное руководство, — при усердіи, преподаваніе будетъ идти успѣшно; но если попадется дурное, побьется надъ нимъ нѣсколько времени, и не видя успѣховъ возьметъ, встрѣтившееся другое, а тамъ третее, пока наконецъ потеряетъ совершенно всякую въ нихъ вѣру и обратится къ старымъ.*

Все это даетъ намъ смѣлость предложить слѣдующую

* См. журн. Учитель № 17, стр. 677, 1862 года.

практическую мѣру, отъ осуществленія которой могло-бы много произойти полезнаго. Въ видахъ общей, несомнѣнной пользы для болѣе успѣшнаго дѣла народнаго образованія, можно-бы ходатайствовать объ учрежденіи при семинаріяхъ нашихъ послѣ—объединенныхъ школъ грамотности, въ которыхъ бы будущіе священники, подъ руководствомъ опытнаго наставника, взяли на себя обязанность обучать дѣтей грамотѣ по новымъ, болѣе легкимъ способамъ, какіе будутъ признаны болѣе пригодными для дѣла. * Нечего и говорить о томъ важномъ значеніи, какое могли-бы имѣть подобныя школы. Будущіе священники, будущіе учителя народа, здѣсь сами знакомились-бы съ дѣломъ обученія, у-

* Когда мы оканчивали свои замѣтки, въ газетѣ «День» № 35, въ статьи «Нашіе желанія» мы встрѣтили между прочимъ вотъ что: разрывая вопросъ: какъ приготовить учителей и замѣчая, что духовное вѣдомство доселѣ ничего не сдѣлало положительно и ограничивается одними предположеніями, такъ какъ на сельскаго священника, при другихъ его занятіяхъ, не можетъ быть возложенъ механизмъ обученія грамотѣ, авторъ говоритъ: «Признаемся, мы не можемъ объяснить себѣ, почему до сихъ поръ при семинаріяхъ не открыто педагогическихъ курсовъ, почему для семинаристовъ оканчивающихъ курсъ, не назначены особые часы для того, чтобы они преподавали въ мѣстныхъ приходскихъ училищахъ, подъ руководствомъ опытнаго учителя,—и не одну грамоту, но и нѣкоторые другіе предметы?» Немного ниже авторъ продолжаетъ: «Духовенство должно безъ малѣйшаго отлагательства прибѣгнуть къ упомянутой мѣрѣ, т. е. къ устройству педагогическихъ курсовъ при семинаріяхъ, и не выпускать ни на какія причетническія должности, а тѣмъ болѣе на мѣсто священника иначе, какъ по удовлетворительномъ окончаніи семинаристомъ этихъ педагогическихъ курсовъ. Тогда въ церковныхъ причетникахъ мы будемъ имѣть готовыхъ учителей, а священники—помощниковъ въ дѣлѣ обуче-

свои-бы себѣ лучшіе, легчайшіе способы къ обученію, и, поступивъ на приходъ, уже приступили-бы къ дѣлу, не повоуму для нихъ; они напередъ-бы знали, какъ взяться лучше за дѣло, чтобъ достигнуть успѣха скорѣйшимъ и лучшимъ образомъ. Такая практика въ семинаріи, черезъ нѣсколько лѣтъ, могла-бы благотѣльно отозваться и въ народѣ. Выученные священникомъ или причетникомъ по болѣе легкимъ методамъ въ свою очередь, при обученіи другихъ, не взяли-бы конечно за старый способъ, буки—азъ—ба и пр. По нашему мнѣнію, только этимъ способомъ пока и можно распространять въ народѣ здоровыя понятія о лучшемъ обученіи грамотѣ. Будущіе учительскіе институты или семинаріи, пока только—въ воображеніи, и если-бы даже они устроились, все таки не могли-бы доставить учителей для каждаго селенія; между тѣмъ какъ наши семинаріи, доставляя священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ дать пока наилучшихъ учителей народныхъ.

Хар. Ор...

г. Ек—въ,
1 Октября.

нія народа. Неужели дѣло столь законное и необходимое такъ трудно для осуществленія?» Мы привели здѣсь эти мысли одного изъ сотрудниковъ «Дня», чтобъ показать, что предлагаемая нами мѣра, не есть одно только наше личное желаніе, а напротивъ—желаніе общества, выраженное въ одномъ изъ лучшихъ его органовъ, какимъ всѣми признается газета «День.»

ПОУЧЕНИЕ

ПРОТИВЪ НЕПОСВЯЩАЮЩИХЪ ХРАМА ВЪ ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ.

Нынѣ у насъ сугубое торжество: и день воскресный и храмовой праздникъ.* Отъ чего же такъ малолюдно во храмъ? Отъ чего такъ мало сорадующихся нашему празднику и раздѣляющихъ съ нами наше духовное торжество? Причина ясна и всемъ понятна. Купля и продажа всѣхъ увлекли и не позволили и часа послужить Богу. Такъ-то мы любимъ мѣръ и мѣрскія занятія! Шесть дней въ недѣлѣ недостаточно намъ для служенія міру. Изъ-за выгодъ житейскихъ мы жертвуемъ служеніемъ Богу, жертвуемъ воскресными и праздничными днями, кои предназначаются св. Вѣрою исключительно для прославленія имени Божія и Его святыхъ. И неужели вы думаете, что дѣлая подобныя уклоненія отъ учреждений Вѣры, мы мало грѣшимъ и не заслуживаемъ еще наказанія Божія? Помните, бр., что Господь поругаемъ не бываетъ, Онъ ревнитель своего закона и взыщетъ за его нарушение. Онъ сказалъ однажды навсегда въ лицѣ древняго Израиля всему роду человѣческому: *помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмый, суббота Господу Богу твоему*; т. е. день воскресный и другіе праздничные дни мы должны посвящать на служеніе Богу, и именно на молитву и другія благочестивыя занятія; уклоненія отъ сего прамого по-

* Сказано въ мѣстечкѣ Смѣломъ въ храмъ препод. Параскевы, 1862 года, 14 Октября, когда это число впадало въ воскресенье. 14 Октября въ мѣстечкѣ бываетъ ярмарка.

вѣрнiя Божiя есть доказательство холодности нашей вѣры и любви къ Богу, есть уже грѣхъ, преступленiе. Посудите сами, еслибы мы искренно и пламенно любили Бога, развѣ мы могли бы пропускать день воскресный и праздничный, чтобы не поспѣшить въ храмъ для молитвеннаго собесѣдованiя съ Нимъ и для усажденiя сердца своего умильтельнымъ богослуженiемъ церкви? Такого требованiе любви. Кто кого любить, тотъ съ тѣмъ желаетъ какъ можно чаще видѣться и бесѣдовать, изыскиваетъ къ тому случаи и радъ, если они открываются. Что же сказать о насъ, когда мы и во дни воскресные и праздничные не оставляемъ своихъ житейскихъ занятiй? Если не работаемъ, такъ производимъ куплю и продажу, а то, что именно слѣдовало бы сдѣлать въ эти дни, напр. прийти въ храмъ помолиться, оставляемъ, какъ занятiе стороннее и дѣло не существенно важное? Это ли жизнь по вѣрѣ, ревности по славъ Божией? Не очевидное ли это доказательство упадка духа благочестiя? Для людей настоящаго времени просидѣть, проходить гдѣ либо въ день воскресный и праздничный, кажется гораздо прiятнѣе, чѣмъ простоять въ храмѣ на молитвѣ какой нибудь часъ, другой. А между тѣмъ, гдѣ прiятнѣе всего проводить утро праздничнаго дня, какъ не въ храмѣ Божиемъ? Утромъ тѣло наше послѣ умѣреннаго сна бываетъ легко, душевныя силы бодры и спокойны, потому на что благовременнѣе всего посвятить утро праздничнаго дня какъ не на общественную молитву? И гражданскiй законъ нашего православнаго отечества запрещаетъ всѣ безъ исключенiя мирскiя наши занятiя въ дни праздничные до полудня, т. е. до того времени, когда окончится богослуженiе во храмѣ. Требованiе справедливое и умѣренное. Но въ настоящее время, при упадкѣ благочестiя, прибыль и ко-

рысть — вотъ тѣ кумиры, коимъ люди рабоблѣствуютъ. Ни-
чь не жизнь располагають по вѣрѣ, а вѣру по жизни; ны-
нѣ, напр. ходятъ въ храмъ не тогда, когда зоветъ церковь,
а когда житейскія занятія дозволяютъ. Судите, похвально
ли это? законопно ли?, богоугодно ли?.. Смотрите, въ это
самое время, какъ у насъ совершается богослуженіе и
приносится безкровная жертва, предъ кою ангелы трене-
щутъ, сколько совершается вокругъ насъ, не вдали сего
храма, беззаконій, сколько совершается обмана и тому по-
добныхъ дѣлъ неправды и грѣха!.. Таковы-то мы хресті-
ане, такъ-то во дни праздничныя святится нами имя Божіе!

Но не къ намъ бр., почтившимъ своимъ посѣщеніемъ на-
ше торжество, относится мое слово обличенія. Отъ лица
церкви вамъ честь и хвала за ваше усердіе къ храму Бо-
жію въ то время, когда тысячи собратій вашихъ, увлекло-
У шись житейскими выгодами, оставили служеніе Богу. Будетъ
те же всегда усердными посѣтителями храма Божія. Мир-
скія занятія да не отвлекаютъ васъ въ дни праздничныя
отъ молитвеннаго подвига въ святомъ храмѣ. Помните, что
жизнь наша и всѣ ея блага въ рукахъ Божіихъ; всѣ наши
житейскіе хлопоты не будутъ имѣть успѣха, когда не бу-
детъ почивать на нихъ благословеніе Божіе; а оно не по-
чиваетъ тамъ, гдѣ въ жертву мірскимъ занятіямъ приносит-
ся служеніе Богу. Аминь.

Св. Н. Терлецкій.

Опытъ объясненія надписаній псалмовъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ.

(Окончаніе.)

— Въ надписаніи псалма 9-го встрѣчаемъ выраженіе: о *тайныхъ сына*. Нѣкоторые (Симмахъ) читаютъ: » о смерти сына. » Если бы разумѣть здѣсь смерть Авессалома; то этою догадкою можно-бы и ограничиться, и въ пей отыскать ключъ къ смыслу выраженія: о тайныхъ сына. Но Калметъ думаетъ, что псаломъ 9-й писанъ вовсе не по случаю смерти Авессалома, а по случаю перенесенія Давидомъ ковчега завѣта изъ Каріаѳарима въ Іерусальмъ,¹⁸ а другіе—по случаю побѣды Давида надъ Голиаѳомъ.¹⁹ Де-Вансѣ даетъ замѣтить²⁰, что разные переводы, въ родѣ: о тайныхъ сына, о смерти сына... , впади въ недоразумѣніе, очень, впрочемъ, понятное и естественное, какъ сейчасъ увидимъ Еврейское: *Бенъ* значить, точно, сынъ. Но здѣсь, полагаютъ, это—собственное имя,—имя какого-нибудь начальника хора, чуть или не того самаго *Ванея*, о которомъ упоминается въ 1 книгѣ Паралипоменонъ²¹ и который управлялъ седмымъ хоромъ юныхъ дѣвъ—пѣвицъ.²² Итакъ, говорятъ, вмѣсто: сына, надо читать просто: » Бену, » отделивши это слово отъ предыдущаго точкою, или запятою. Такъ оно и значится въ русскомъ переводѣ псалтири. Чтоже значить: о тайныхъ? И какъ, вмѣсто тайныхъ,

¹⁸ В-де U. том X, прим. на псал. 9-й.

¹⁹ тамъ же.

²⁰ том. IX, стр. 411—412.

²¹ XV, 20.

²² С. С том. 14-й., прим., на псал. 9-й.

вышелъ хоръ дѣвъ? — Въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ слово: *аламотъ*, которое (производъ отъ алма) можетъ быть переведено и: тайнымъ и: дѣвамъ. У евреевъ женскій полъ помѣщался въ отдѣльныхъ покояхъ (называвшихся женскими отдѣленіями дома), куда никто изъ постороннихъ не могъ входить и женщины, а особенно дѣвицы, вели поэтому у евреевъ жизнь сокровенную, *тайную* для постороннихъ взоровъ. Отъ этого на еврейскомъ языкѣ и дѣва и тайная — понятія тождественныя. Отсюда понятно, какъ вышли такія разности въ переводѣ 70-ти, въ Вульгатѣ (латинскомъ) и нашемъ: о тайныхъ, и въ переводахъ ученыхъ (особенно іудейскихъ): »хору юныхъ дѣвъ — пѣвицъ.«²³ — Все надписаніе настоящаго псалма можно выразить по этому такъ: »псаломъ Давидовъ. Бену, начальнику хора юныхъ дѣвъ, поющихъ, или играющихъ. Русскій переводъ псалтири читаютъ такъ: . »Бену На свирѣли.« — Хоромъ же юныхъ дѣвъ можно перевесть послѣ этого и надписаніе 45-го псалма: о тайныхъ. Само собою понятно, что при всѣхъ этихъ чтеніяхъ и объясненіяхъ остается неприкосновеннымъ тотъ таинственный смыслъ, какой находятъ въ надписаніи псалма св. отцы церкви, уверждающіе, что здѣсь Давидъ пророчески говоритъ о побѣдѣ Сына Божія надъ смертію²⁴ и всѣми врагами спасенія людей, и что эту побѣду 70 справедливо называли таинствомъ, — говоримъ: неприкосновеннымъ; потому что смыслъ этотъ есть все-таки подлинный смыслъ самаго псалма и отцы тѣмъ надежнѣе руководятъ насъ въ познаніи его, чѣмъ больше заботятся иные о

²³ Были ли у евреевъ хоры (особенные) изъ дѣвъ, пѣвицъ и играющихъ, и могли ли быть они въ самомъ храмѣ и пѣть при богослуженіи? — объ этомъ скажемъ послѣ.

²⁴ См. толк. Блаж. Феод. на псаломъ 9-й.

смыслелахъ буквальныхъ, добываемыхъ изъ исторіи и библейской археологіи, минуя часто пророческій и прообразовательный смыслъ, дѣйствительно заключающійся въ псалмахъ.

— Надъ псаломъ 21-мъ стоитъ выраженіе: *о заступленіи утреннемъ*. Въ русскомъ переводѣ псалтири читается: *при появленіи зари*. Калметъ все надписаніе псалма передаетъ такъ: » начальнику пѣвцовъ, при жертвоприношеніи барана, приносимаго во всесожженіе *при началъ дня*.²⁵ Псаломъ Давидовъ. » Другіе переводятъ также. Имѣя въ виду такое сходство чтеній, думаемъ, что нашъ славянскій переводъ въ настоящемъ разѣ несовсѣмъ точенъ. Дѣйствительно, греческое: *антиписисъ* (70-ти) означаетъ собственно не помощь, (заступленіе), а предупрежденіе, предвареніе и—стало бытъ всего лучше можетъ бытъ переведено: наступленіе (т. е. утра). Въсто: *о заступленіи утреннемъ* надо бы сказать: *о наступленіи утреннемъ*. Въ объясненіе чтенія Калметова не излишне замѣнить, что въ новомѣсячія и другіе торжественные дни, кромѣ жертвоприношеній обычныхъ, состоявшихъ изъ *лицевъ единоплтнихъ непорочныхъ*,²⁶ еврей, по закону Моисееву, приносили во всесожженіе, при началъ дня: барана, двухъ телятъ (юнцовъ) и семь ягнятъ.²⁷ Для какаго, однако, праздника, или новомѣсячія и по какому случаю составилъ Давидъ настоящій псаломъ,—остається совершенно неизвѣстнымъ.

— *Столпописаніе*, или *въ столпописаніе*—надъ пс.:

²⁵ В. de U., X., прим. на пс. 21-й.

²⁶ Двухъ на день: *лица единого рано, и лица втораго въ вечеръ*. Числ. 28, 3-4.

²⁷ Тамъ же 28-29 гл.

15-мъ, 55—59.—Въ объясненіи значенія этой надписи толковники расходятся, хотя и далеко не такъ, какъ въ объясненіяхъ другихъ надписаній. Въ текстъ еврейскомъ стоитъ: *миктамъ* (микетамъ). По переводу однихъ, это значить: золотой, почему думаютъ (Абенъ Ездра и Калехи), что надписаніемъ этимъ означаются стихотворенія превосходныя, лучшія, подобныя самому лучшему золоту (*Кетемъ*),²⁸—словомъ: *пѣсни золотыя*. Другіе, придерживаясь тогоже словозначенія, полагаютъ, что эти священныя пѣсни названы золотыми — потому, что написаны были *золотыми буквами* и повѣшены были или во святилищѣ, или въ другомъ мѣстѣ.²⁹ Иные (производя отъ *Катамъ*—вырѣзывать, начертывать) думаютъ, что это значить:» стихотвореніе, *вырѣзанное на камень*, или каменномъ памятникѣ. Согласно съ послѣднимъ, Θεодотіонъ перевелъ: *стилографія*, т. е. *писаніе на столпъ*, какъ читается и у насъ. Ученый іудейскій, Михаелисъ, подкрѣпляя послѣднія чтенія, даетъ намъ вдобавокъ и удовлетворительное объясненіе о значеніи и происхожденіи настоящей надписи. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что 59 псаломъ (у него 60-й) есть «памятникъ победы Давида надъ врагами его, поставленный, какъ кажется, на самомъ мѣстѣ сраженія,» — что «псалмы: 55, 56, 57 и 58-й (у него 56—59), по тому-же самому, (т. е. какъ памятники побѣдные) «поставлены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Давиду угрожали страшныя опасности.»³⁰ Содержаніе самыхъ псалмовъ, а равно и надписи надъ псалмами: 55—59 въ нашей славянской Псалтири, гдѣ указаны и обстоятельства, ставившія Давида въ опасное положе-

²⁸ С. С., том. 14-й, стр. 1122.

²⁹ С. С., т. 14-й, стр. 1122.

³⁰ Тамъ-же.

ніе въ борьбѣ съ разными врагами, — достаточно подкрѣпляютъ справедливость замѣчаній Мехаелиса. Во всѣхъ этихъ псалмахъ ³¹ Давидъ постоянно упоминаетъ о своихъ врагахъ, готовыхъ перазъ уловить его; онъ молится о сокрушеніи ихъ преступныхъ замысловъ и, подъ конецъ псалмовъ, горячо благодаритъ и славитъ Бога, всегда чудесно избавлявшаго его отъ видимыхъ опасностей. Итакъ, «столпописаніе» значитъ: «псаломъ, начертанный на столпѣ, въ знакъ чудеснаго избавленія Давида отъ руки враговъ его, — на столпѣ поставленномъ на мѣстѣ самаго избавленія.»

— Къ столпописаніе въ псалмахъ: 56, 57 и 58-мъ прибавлено: *да не растлиши*. Въ изданіи Библ. общества переведено: *не погуби*. «Большая часть (толковниковъ), замѣчаютъ де—Вансъ, думаетъ, что слово это означаетъ «псаломъ молитвенный, въ которомъ Давидъ проситъ Бога, «чтобы Онъ спасъ (не погубилъ) его.» ³² Калметъ принимаетъ тоже слово, какъ замѣтку самаго писателя псалмовъ, имѣющую смыслъ въ родѣ слѣдующаго: «всячески берегитесь погубить эту пѣснь» (пѣсу), или: «съ благоговѣніемъ берегите ее.» ³³ То и другое ведетъ къ мысли, что это надписаніе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ предъидущимъ надписаніемъ: столпописаніе,» служить подтвержденіемъ и дополненіемъ къ нему и вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ такой смыслъ: «псаломъ, вырѣзанный на камнѣ (или столпѣ каменномъ), какъ такой памятникъ, который *не долженъ погибнуть*, т. е. покрѣпиться забвеніемъ. Выраженіе: не погу-

³¹ Молитва Давида XVI разсматривается многими, какъ вторая часть псалма XV, сложенная по одному и тому же случаю.

³² Т. X., прим. на пс. 56-й.

³³ Тамъ-же.

би, на ряду съ прежнимъ, можетъ означать или эпиграфъ къ псалмамъ, или ихъ основной молитвенный мотивъ, или, наконецъ, внушеніе потомству со стороны самаго составителя псалмовъ, которое предполагаетъ Калметъ.

— *Въ воспоминаніе о субботѣ* (надъ 37-мъ пс.). Русскій переводъ Псалтири, читаетъ: «въ воспоминаніе. (Въ субботу)» — потому, что въ еврейскомъ послѣдняго слова вовсе нѣтъ. Когда и для чего оно приставлено, — сказать твердо нельзя. Въ воспоминаніе чего же писанъ псаломъ? Одни предполагаютъ, что Давидъ изливалъ скорбныя чувства свои въ немъ по случаю какой-нибудь тяжелой болѣзни своей, — другіе — по случаю возмущенія противъ него сына его Авессалома.³⁴ Первое можно подкрѣпить первой половиною псалма, послѣднее — второю. — Выраженій: *единыя отъ субботы* (т. е. въ первый день недѣли) надъ 23-мъ псалмомъ, *вторыя субботы* (во второй день недѣли) надъ 47-мъ и *четвертыя субботы* (въ четвертый день послѣ субботы) надъ 94-мъ — совсѣмъ нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ. Откуда же взялись они въ нашей псалтири? Въ объясненіи перваго выраженія: *единыя отъ субботы* де-Вансъ дѣлаетъ слѣд замѣчаніе: «кажется, что это надписаніе произошло отъ обычая какихъ-нибудь христіанскихъ церквей, назначавшихъ этой псаломъ для *чтенія* въ первый день недѣли, т. е. въ воскресенье, во вниманіе къ смыслу его, пророчествуящему о воскресеніи Иисуса Христа.»³⁵ — Кажется, прибавимъ и мы, съ своей стороны, что это-же самое можно сказать и о надписаніяхъ 47-го и 94 псалмовъ. Вѣроятно, и онѣ — дѣло рукъ позднѣйшихъ, т. е. не принадлежать даже и 70-ти толковникамъ (древ-

³⁴ В. de U., т. X., на пс. 37-й.

³⁵ Т. X., прим. на пс. 23-й.

нему греческому тексту), переводившимъ буквально съ еврейскаго подлинника. Въ подтвержденіе такого предположенія можно сослаться и на надписаніе псалма 65-го: «пѣснь «псалма воскресенія», котораго, по замѣчанію Калмета нѣтъ въ еврейскомъ и которое «могло быть присовокуплено (т. е. къ словамъ: въ конецъ, пѣснь псаломская) христіанами «греческими по причинѣ удобоприложенности псалма къ воскресенію Іисуса Христа, или къ воскресенію общему»³⁶ (всѣхъ.)

— *Исхода скинии* (28 пс.). Русскій переводъ Псалтири читаетъ: «при окончаніи праздника кущей.» (Случай и время происхожденія псалма остаются неизвѣстными). Девансъ полагаетъ, что этотъ псаломъ составленъ Давидомъ, когда окончено было строеніе скинии свидѣнія на Сіонѣ, въ которую самъ-же Давидъ перенесъ изъ Каріаѳарима ковчегъ Завета.

— *Изступленія*. (надъ 30-мъ). Многіе думаютъ, что выраженіе это указываетъ на необычное *смятеніе* (изступленіе) духа, которое испыталъ Давидъ при какомъ-нибудь преслѣдованіи отъ Саула, или по случаю *возмущенія* сына его Авессалома. Большая³⁷ часть полагаетъ опредѣленіе, что святая пѣснь вышла изъ глубины смятенной души Давида, когда онъ, скрываясь отъ Саула, находился однажды въ пустынь Маонъ и чуть-чуть не попался было въ руки царя-гонителя своего (1. Цар. 23 гл.).

— Въ надписаніяхъ очень многихъ псалмовъ встрѣчаются, между прочимъ, выраженія: *разумъ*, или *въ разумъ*. Русскій переводъ Псалтири надписываетъ: *ученіе* (т. е. Давида, Асафа, сыновъ Кореовыхъ:). Блаженный Іеронимъ

³⁶ В. de U., т. X., прим. на 65-й пс.

³⁷ Тамъ-же, прим. на 30-й псаломъ.

переводить также. Другіе—«псаломъ учительный,» или поучающій. При такомъ согласіи чтеній, смыслъ сказанныхъ надписаній устанавливается рѣшительно. Но вопросъ: почему бы эти только (31-й, 41, 43, 44 и др.) псалмы названы были учительными, тогда какъ есть не мало и другихъ псалмовъ съ характеромъ учительнымъ? Михаелисъ и Розенмюллеръ склоняются къ догадкѣ, что словами: учение, для изученія обозначается (можетъ быть) *рѣчь связаная*,³⁸ особый родъ поэмъ, написанныхъ тономъ рѣчи послѣдовательной и раздѣльной, какой т. е. не замѣчается въ твореніяхъ собственно поэтическихъ (другихъ?), гдѣ сила чувствъ менѣе подчиняется послѣдовательному и связному ходу мысли...

— *О измѣняемыхъ, измѣнитися хотящихъ или имущихъ*—надъ пс: 44, 59, 68 и 79-мъ. Русскій переводъ псалтири вмѣсто: о измѣняемыхъ, и пр. читаетъ: «на музыкальномъ орудіи *шошамъ*, (или) *шошанимъ*.» Что же это за орудіе? Калметъ и другіе изслѣдователи *шошанимъ* переводятъ словомъ: шестиструнный и потому читаютъ: «на шестиструнномъ музыкальномъ орудіи.»³⁹ Шошанимъ (отъ *шенъ* зубъ) съ равною силою можетъ означать: пѣніе или игру сквозь зубы на дудочкахъ,—пѣніе, какое и теперь можно встрѣчать у евреевъ. Наконецъ, 70 толковниковъ произвели шошанимъ, кажется, отъ *шошанъ*, что, дѣйствительно, значитъ: измѣнять, перемѣнять, т. е. пѣть попеременно. Отсюда можно ближе гадать о значеніи надписаній. Въ скинии и храмъ Соломоновомъ музыканты и пѣвцы стояли отдѣльными хорами въ раз-

³⁸ С. С., том. 14-й, стр. 1128.

³⁹ В. de U., т. X., прим. на псал. 59-й.

⁴⁰ Св. Афанасія В. краткое обозрѣніе свѣщ. писанія. См. о книгѣ псалмовъ.

ныхъ иѣстахъ: одни—при дверяхъ, другіе—по срединѣ, а иные— по правую и по лѣвую стороны⁴⁰ (какъ у насъ теперь правый и лѣвый клиросы). Есть признаки думать, что эти хоры пѣвали иногда одни и тѣже псалмы по стихамъ и отдѣленіямъ (т. е. попеременно); такъ что въ храмѣ еврейскомъ слышалось пѣніе, подобное нашему антифонному пѣнію. Можетъ быть, этииъ—то хоромъ измѣняющимся, ииѣющимъ перемежать другъ друга, и адресованы настоящіе псалмы. Если такъ; то сказанныя надписанія для полноты можно передать такъ: «хорамъ пѣвцовъ и музыкантовъ, поющимъ попеременно, должествующимъ перемежаться.»

— *О Маелеѣ*—пс. 52-й. Нашъ славянскій текстъ взявъ это слово, безъ перевода, у 70-ти, которые, въ свою очередь, переписали его цѣликомъ съ еврейскаго, безъ всякаго перевода. *Маелеѣ* одни переводятъ: «хоромъ танцующихъ, какъ напр. при перенесеніи Давидомъ ковчега и проч., почему и читаютъ все надписаніе: «начальнику музыки, учиненному надъ танцами религіозными. Псаломъ Давидовъ.»⁴¹ Другіе видятъ въ маелеѣ просто музыкальное орудіе. Последнее—вѣрнѣе и—вотъ почему: надъ псалмомъ 87-мъ стоитъ тоже о маелеѣ съ прибавленіемъ: *еже отвѣчати*, что по замѣчанію ученыхъ, значить: пѣть попеременно, а также *подпѣвать*, *играть съ припѣвомъ*,⁴² или пѣть съ какимъ-нибудь музыкальнымъ орудіемъ, такъ чтобы музыка и пѣніе *отвѣчали*, вторили другъ другу. Какое именно музыкальное орудіе разумѣется здѣсь,—сказать не можемъ. Подозрѣваютъ какое-то духовое орудіе, въ родѣ флейты, или свирѣли. Русскій переводъ псалма, удерживаетъ это мнѣніе и потому читаетъ: «на духовомъ

⁴¹ В de V., т. X., прим. на пс. 52-й.

⁴² Тамъ же, прим. на псаломъ 87-й.

орудіи» (52 псал.) и «пѣть съ духовымъ орудіемъ» (87-й псал.).

— О *Идиоумъ*. Пс. 61 и 76-й. Съ еврейскаго: Идиоуму, начальнику музыки, или *плещовъ*. Идиоумъ—одинъ изъ трехъ главныхъ начальниковъ всѣхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыхъ набралъ и раздѣлилъ на чреды Давидъ. Итакъ, настоящіе псалмы адресуются на имя Идиоума, какъ искуснѣйшаго въ своемъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ вѣроятно, переложилъ ихъ на музыку и подготовилъ для исполненія въ свое время.

— Въ третьемъ отдѣлѣ псалтири (съ 104-го) заключается цѣлый рядъ псалмовъ съ надписаніемъ: *аллилуія*. Это—слово еврейское и означаетъ: хвалите Бога, славьте Бога, пойте Богу. Итакъ, это—псалмы *хвалебныя*. Но то же слово аллилуія, по мнѣнію де-Ванса, означаетъ и другое, именно мысль о способѣ возгласенія, или пѣнія этихъ псалмовъ особымъ, ⁴³ радостнымъ, торжественнымъ напѣвомъ,—такимъ, котораго нельзя выразить никакимъ грамматическимъ переводомъ. Вотъ почему переводчики св. книгъ ветхозавѣтныхъ начиная, съ 70-ти толковниковъ, оставили это слово безъ всякаго перевода. Вотъ почему, за тѣмъ, и Церковь наша внесла безъ перевода этотъ терминъ въ свои чтенія и пѣснопѣнія.

— Наконецъ, въ нашей псалтири есть цѣлый рядъ псалмовъ (119—133), которые надписываются: *пѣснь степеней*. Акилла и Симмахъ переводятъ: *пѣснь на восхожденія*. Блаженный Иеронимъ—*пѣснь восхожденій*. Последнее предпочитается св. Отцами Церкви. Чтожь это значить? По изъясненію св. Аванасія Великаго, Златоуста, Феодорита,

⁴³ Том. X., последнее примѣчаніе на 103-й псаломъ.

Марія и др.,⁴⁴ въ этихъ псалмахъ воспѣвается возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго въ свое отечество. Возвращеніе это называлось обыкновенно у евреевъ *восхожденіемъ* — по слѣдующей причинѣ: Палестина, по отношенію къ другимъ, окружавшимъ ее странамъ Азіи, представляетъ мѣстность возвышенную, горную. Отсюда возвращеніе изъ Вавилона въ Палестину для евреевъ было не просто шествіемъ, а восхожденіемъ, т. е. какъ-бы на гору. Въ частности, такъ какъ Іерусалимъ и храмъ, куда спѣшили евреи, какъ къ святымъ своимъ мѣстамъ, хранившимъ въ себѣ памятники ихъ великихъ прошедшихъ судьбъ, расположены были на горѣ (Сіонъ) и самый Іерусалимъ назывался *горнымъ* селеніемъ (Лук. 1, 39), то шествіе въ Іерусалимъ называлось у евреевъ исключительно восхожденіемъ.⁴⁵ Итакъ, пѣсни степеней суть (по содержанію и по времени происхожденія) пѣсни восхожденій евреевъ изъ Вавилона въ Палестину и Іерусалимъ.⁴⁶

Заканчивая этимъ наши замѣтки, неизлишнимъ считаемъ сказать:

⁴⁴ Том. IX., стр. 566.

⁴⁵ Матѳ. XX, 17—18; Дьян. XXV, 1. и др.

⁴⁶ Въ переводъ блаж. Іеронима всѣ псалмы, называемые у насъ пѣснями степеней, обозначены такою-же надписью: *canticum graduum*. Но это слово *gradus* встрѣчается въ 4-й книгѣ Царствъ (гл. XX, 9, 10 и 11), въ смыслѣ *черты на солнечныхъ часахъ*, на которыхъ пророкъ Ісаія передвинулъ солнечную тѣнь на десять степеней или часовъ: *et reduxit umbram per lineas, quibus jam descenderat in horologio Ahas, retrorsum decem gradibus*. На этомъ основаніи, мы полагаемъ, что *пѣсни степеней* были такіе псалмы, которые пѣлись въ скинии и во храмѣ по часамъ, *всякій часъ*. И въ нашемъ сла-

1., Если-бы и нашлись еще такіа надписанія псалмовъ, смыслъ которыхъ не для всѣхъ понятенъ; то въ этомъ помогутъ всякому чтеніе самыхъ псалмовъ, а всего лучше справки съ историческими книгами Ветхаго завѣта и чтеніе Библейской исторіи В—преосвящ. Филарета, Митрополита Московскаго.

2., Если наши замѣтки не вездѣ полны, не даютъ иногда объясненія рѣшительнаго, не указываютъ смысла единственно—вѣрнаго; такъ это зависитъ отъ разностей чтеній и толкованій, которыхъ иногда вовсе нѣтъ и возможности согласить и привести къ одному твердому заключенію.

3., При снесеніи разныхъ чтеній намъ неразъ приходилось встрѣчаться съ хорами пѣвцовъ и музыкантовъ у евреевъ, и ихъ инструментами музыкальными и проч.... Слѣдовало-бы заняться и этимъ предметомъ, какъ представляющимъ много и интереснаго и нужнаго для объясненія многого въ св. книгахъ Ветхаго завѣта. Но это—стоитъ особаго труда.

Д. О.

ванскомъ переводѣ слово часъ переводится такимъ-же словомъ *степень*, напр. въ приведенномъ мѣстѣ читаемъ: *и возвратися стѣнь по числу назадъ десять степеней*. Возраженіе, что часовъ въ днѣ двенадцать, а пѣсней степеней пятнадцать не имѣетъ особенной силы. Богослуженіе еврейское начиналось до восхода солнечнаго (есть даже псалмы написанные *при появленіи зари*) и оканчивалось послѣ захода. Значить, ничего нѣтъ мудренаго, если оно обнимало собою пятнадцать часовъ. Замѣтимъ еще, что всѣ *пѣсни степеней* очень коротки сравнительно съ другими псалмами; а такими они и должны быть, такъ какъ ихъ нужно было пѣть всякій часъ.

Редакт.

НЕВРОЛОГЪ.

14-го Ноября, въ первомъ часу по полудни, скончался, послѣ тяжкой грудной болѣзни, учитель словесности здѣшней Семинаріи, *Николай Владиміровичъ Пантелеевъ*.

Ничѣмъ особеннымъ не замѣчательно имя этого человѣка; дѣятельность его, какъ и вообще дѣятельность учительская, — не блестящая, самая скромная. Но въ наше время пріучаются уважать, не только людей съ громкими именами, но и дѣятелей скромныхъ, тихо, но терпѣливо дѣлающихъ дѣло для блага общаго, дѣятелей, которыхъ работа — долгая, утомительная, тяжкая, но въ такой же мѣрѣ — и полезная. Помнить такихъ тружениковъ — священный долгъ особенно тѣхъ, для кого ближайшимъ образомъ трудились они. Въ этомъ отношеніи имя покойнаго для Епархіи нашей — имя вполне почтенное. Дѣятельность его еще въ свѣжей памяти у многихъ читателей нашихъ (его учениковъ) и мы хотимъ лишь напомнить въ ней то, что не всякій замѣтитъ и справедливо оцѣнитъ.

Николай Владиміровичъ поступилъ на кафедру словесности Полтавской Семинаріи въ 1837-мъ году, въ Ноябрь мѣсяцъ. Такимъ образомъ онъ служилъ дѣлу образованія духовнаго юношества нашей Епархіи цѣлыхъ 26 лѣтъ — цифра, внушающая уваженіе и — тѣмъ большее, чѣмъ труднѣе дѣло наставника именно словесности въ Семинаріи и чѣмъ тщательнѣе совершалъ его покойный. Образовать молодую мысль, пособить ей овладѣть собою въ словѣ и на бумагѣ, поставить ее хоть какъ пшбудъ на авторскомъ поприщѣ — задача величайшей важности. За то какой же и трудъ не ожидаетъ, а просто угрожаетъ, при ея выполне-

ни. По существующему въ Семипріан порядку, воспитанники словесности кажда недѣлю представляютъ по упражненію и вотъ—у наставника въ каждую недѣлю является до сотни (средняя цифра учениковъ одного класса словесности въ нашей Семинаріи для каждаго курса) такихъ упражненій, а въ продолженіе, положимъ, 8 учебныхъ мѣсяцовъ (годъ)—до 3000, по крайней мѣрѣ. Нужно же имѣть терпѣніе прочесть такую кипу многогрѣшныхъ и скучныхъ опытовъ, выправить и выдать ученикамъ своевременно, съ нужными замѣчаніями—съ тѣмъ, чтобы въ опытахъ будущихъ не повторялись ошибки опытовъ прошедшихъ. Николай Владиміровичъ имѣлъ терпѣніе дѣлать это дѣло съ безукоризненною исправностію и—въ теченіи 26-ти лѣтъ.

Покойный, однако, не всегда ограничивался и громаднымъ числомъ урочныхъ упражненій. Съ искреннимъ желаніемъ научить именно своихъ воспитанниковъ словесному дѣлу, онъ налагалъ на себя новые труды. Въ началѣ курсовъ особенно онъ нерѣдко предлагалъ ученикамъ писать въ классѣ (въ свободное время, напр. при повтореніихъ), кто что могъ и хотѣлъ, на клочкахъ бумаги, по домашнему. Всѣ эти клочки онъ перечитывалъ и немедленно возвращалъ каждому съ необходимыми примѣчаніями. Такимъ образомъ только непомерное число учениковъ могло не дозволить напрактиковать каждаго изъ нихъ въ правильномъ и стройномъ изложеніи мыслей такъ, какъ желалъ и усиливался покойный.

Съ усерднымъ занятіемъ своей профессіей, у Николая Владиміровича соединились и другія качества, имѣющія особую важность и значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Разумѣемъ, полное доброты, искренности и любви обращеніе съ учениками покойнаго, памятное, конечно, бывшимъ его у-

ченикамъ. Въ такомъ обращеніи всегда кроются самыя вѣрные заложныя благоуспѣшнаго развитія воспитанниковъ. 15-лѣтній юноша тѣмъ способнѣе полюбитъ науку и тѣмъ крѣпче возьмется за нее, чѣмъ искреннѣе и ближе къ нему самъ преподаватель, чѣмъ больше замѣчаетъ онъ въ немъ участія къ себѣ, внимательности и снисхожденія отескаго. Личный характеръ наставника и его отношенія къ ученикамъ значать (для послѣднихъ) почти все. Въ этомъ отношеніи Николай Владиміровичъ оставилъ по себѣ, добрую память. Излишне говорить, происходило ли такое, обычное упокойнаго, обращеніе съ учениками изъ соображеній и убѣжденій педагогическихъ, или же это было просто плодомъ его природы!... Для насъ важенъ самый фактъ и мы указываемъ на него, какъ на хорошее дѣло, имѣвшее безъ сомнѣнія, рядъ хорошихъ послѣдствій и достойное подражанія...

Сверхъ тяжкихъ занятій по классу словесности, Николай Владиміровичъ, — какъ по существующему порядку, такъ и по горькой необходимости — усиливать свои заработки, чтобы, при недостаточности жалованья по одной должности наставнической, имѣть хотя бы то самое умеренное обезпеченіе, въ особенности при своемъ немаломъ семействѣ (покойникъ оставилъ жену и шестерыхъ дѣтей), — занимать и другія должности. Такъ онъ издавна преподавалъ нѣмецкій языкъ. Въ послѣднее время (1861-мъ году, 31 Августа) онъ избранъ былъ экономомъ, какъ опытный хозяинъ, труды котораго были особенно нужны для благоустроенія Семинаріи по хозяйственной части въ періодъ перемѣщенія ея изъ Переяслова въ Полтаву. Проходя съ равнымъ усердіемъ и самопожертвованіемъ упомянутыя должности, покойникъ понесъ тѣ многосложныя и неуспѣ-

ныя заботы, которыя быстро развили давно уже таившуюся въ груди его болѣзнь и едва ли не преждевременно свели его въ могилу. Николай Владимірович скончался, имѣя отъ рожденія всего 51 годъ.

Служители Божіи, бывшіе ученики покойнаго, усердно, надѣмся, помолятся о немъ Господу.

М. Н.

НАРОДНЫЕ РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ВЪ 1863 ГОДУ *

(Журнальныя замѣтки.)

Не одного изъ нашихъ читателей въ послѣдніе мѣсяцы года занимаетъ мысль о томъ, какой бы журналъ или газету выписать себѣ на слѣдующій годъ. Обыкновенно къ концу года, даже и въ деревни заходитъ столько объявленій объ изданіи разныхъ журналовъ и газетъ, дорогихъ и

* Въ № I Полт. Епарх. Вѣдомостей, редакція этого журнала, выясняя, какъ она понимаетъ задачу изданія епархіальныхъ вѣдомостей, между прочимъ замѣтила, что епархіальныя вѣдомости должны имѣть въ виду не одни нужды и потребности духовенства и удовлетвореніе имъ, но должны касаться и потребностей народа, среди котораго дѣйствуетъ духовенство. И мы съ своей стороны считаемъ весьма уместнымъ появленіе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, хоть изрѣдка, такихъ статей, которыя, по видимому, исключительно касаются одного народа, какъ напр. и предлагаемая нами статья; хотя при серьезномъ взглядѣ на дѣло, подобнаго рода статьи имѣютъ одинаково близкое и непосредственное отношеніе какъ къ народу, такъ и духовенству.

дешевыхъ, большихъ и малыхъ, что не знаешь за что и хватиться. Когда читаешь эти объявленія и программы, просто глаза разбѣгаются: все такъ хорошо въ нихъ и объ нихъ говорится, всего много общается, стоитъ только послать два или три рубля, и за эти деньги цѣлый годъ можно будетъ наслаждаться чтеніемъ самымъ разнообразнымъ, пріятнымъ и полезнымъ.

Дѣло, конечно, весьма естественное, что каждая редація старается выставить свое дѣло въ самомъ лучшемъ и привлекательномъ видѣ. Вѣдь тутъ тоже своего рода торговля... а извѣстно, какъ купецъ выставляетъ товаръ лицомъ! При томъ же для издателя и редактора журналъ ихъ или газета есть въ некоторомъ родѣ дитя (извините за метафорическое выраженіе!);—дитя ихъ ума и сердца. А какая мать не считаетъ своего дитяти лучше, умнѣе и совершеннѣе всѣхъ другихъ дѣтей! Вотъ также, по всей вѣроятности, и для большинства издателей и редакторовъ дѣтище ихъ ума, капитала, трудовъ и пр. представляется въ ихъ глазахъ самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ произведеній человѣческихъ. Многіе изъ читателей, вѣроятно, имѣли случай прочесть объявленіе объ изданіи *Сына Отечества* на слѣдующій годъ, написанное издателемъ и редакторомъ этой газеты г. Старчевскимъ. Чего—чего не говоритъ только онъ о своемъ *Сынѣ*!... Что онъ и лучше, и умнѣе, и догадливѣе, и добросовѣстнѣе всѣхъ другихъ литературныхъ сыновъ и дочерей. Конечно, другими словами только и съ разными вариациями, а тоже самое читатели прочли, или, если угодно, пусть прочтутъ въ № 210 С. О. въ статьѣ о подпискѣ на *Сынъ Отечества*. Но кто читалъ, или хотя просматривалъ С. О., тотъ знаетъ, насколько правды въ самохвальствѣ издателя и редактора. Необходи-

но поэтому сколько возможно осторожно относиться ко всемъ попадающимъ подъ руки объявленіямъ. За дорогой журналъ рѣдко кто хватится, какъ-бы увлекательно ни было написано объявленіе; но дешевые журналы во многихъ могутъ возбудить желаніе и рѣшимость пожертвовать двумя—тремя рублями, чтобъ имѣть годовое удовольствіе читать что нибудь. Все почти наши дешевые журналы издаются преимущественно для простаго, грамотнаго народа, и все почти носятъ названіе *народныхъ*. Мы въ этой статьѣ постараемся представить читателямъ, не имѣющимъ возможности видѣть и читать все журналы, хоть-бы даже они были и самые дешевые, коротенькій обзоръ этихъ журналовъ. Но напередъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что у насъ чувствуется, хотя, быть можетъ, большею частію бессознательно, существенная нужда въ книгахъ для народа и журналахъ.

Всякій жившій или живущій въ деревнѣ знаетъ, что тамъ не легкое дѣло встрѣтить книгу вообще, и въ частности дѣльный журналъ, хорошую газету. Нужду въ книгахъ чувствуютъ рѣшительно все грамотные, сколько нибудь сознательно развитые, люди: и духовные и свѣтскіе, дворяне и, такъ называемый, простой классъ. Мы коснемся здѣсь отчасти нужды въ этомъ отношеніи для духовенства и людей грамотныхъ изъ простаго класса, такъ какъ сельское дворянство, за немногими исключеніями, по своему развитію равняется или духовенству или грамотному простонародью, и умственныя и нравственныя его нужны одинаково удовлетворяются тѣмъ-же, чѣмъ нужны обоимъ упомянутыхъ сословій.

Посмотримъ-же, что имѣеть для чтенія наше сельское

духовенство.* Будучи еще воспитанниками семинарій, наши священники и диаконы болѣе или менѣе приобрѣли привычку жить не только « межъ мертвыми греки и латыны, изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,» но и вообще въ дружбѣ съ книгами. Въ послѣднее время появились даже въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ученическія бібліотеки. Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что на сельскіе приходы постунаютъ болѣею частію люди, если не вполне еще развитые и образованные, то по крайней мѣрѣ съ возбужденнымъ стремленіемъ къ развитію и образованію. Серьезные экзамены передъ выпускомъ изъ семинаріи и потомъ опять другое испытаніе предъ высшимъ епархіальнымъ начальствомъ при посвященіи въ санъ, обезпечиваютъ за нашими сельскими приходами, что ихъ священники и диаконы, а въ послѣдствіи времени и *церковники*,** — люди съ образованіемъ и развитіемъ. Но то другое требуетъ постоянной поддержки и обновленія; иначе и образованіе, черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ обратиться въ полное невѣжество относительно многого, и многого, что постоянно

* Считаемо нужнымъ замѣтить здѣсь, что мы не забываемъ тѣхъ счастливыхъ исключеній въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ, какое представляютъ нѣкоторые сельскіе священники, сумѣвшіе обезпечить не только матеріальное, но и умственное свое благосостояніе.

** Воспитанники семинарій съ ужасомъ отнеслись къ мысли, высказанной въ первый разъ газетою *День* и поддержанной многими другими журналами, о замѣщеніи дьячковскихъ вакансій окончившими курсъ семинарій. Ихъ возмущаетъ мысль, какъ таки *богослову*, тѣмъ болѣе *студенту*, быть *дьячкомъ*. Опошленное ими ихъ больше пугаетъ, чѣмъ самая должность, къ которой они болѣею частію безразличны. Въ успокоеніе ихъ нѣкоторые говорятъ имъ, что съ переменною матеріальнаго, умственного и нравственного состоянія причетниковъ, самое имя дьячка и пономаря можетъ быть весьма удобно замѣнено именемъ *церковника* или какъ нибудь иначе въ этомъ родѣ.

вырабатываетъ жизнь и наука, — и развитіе пріостановится, даже пойдетъ назадъ...

Чтоже представляетъ сельскій приходъ для дальнѣйшаго образованія и развитія молодаго священника или діакона? Какія есть у него средства, чтобъ поддержать и не дать заглохнуть тому, чему доброе основаніе положено въ семинаріи? Люди, питающіе тайную или явную вражду къ книжному просвѣщенію, скажутъ, что жизнь должна дообразовывать и доканчивать развитіе, что въ книгахъ однѣ теоріи, мало приложимыя къ дѣлу, а жизнь, и одна жизнь даетъ полное и истинное развитіе. Но въ жизни столько сложныхъ явленій, столько разнообразія дѣйствій, причинъ и слѣдствій, что не всякому, даже и вполне развитому и образованному человѣку, можно найтись въ данное мгновеніе, и нужно много испытать неудачныхъ опытовъ, много сдѣлать ошибокъ прежде, чѣмъ освоиться въ извѣстномъ данномъ положеніи. Но всего этого очень легко избѣгать, пользуясь опытами и наблюденіями другихъ, и выводами сдѣланными изъ многихъ чужихъ опытовъ. А это все и представляютъ хорошія книги. Но такихъ книгъ, какъ извѣстно, и не бываетъ у нашихъ священниковъ. Изъ семинарій они могли вынести немного книгъ. Семинарскія руководства къ разнымъ наукамъ, печатныя и письменныя, по заведенному издревле обычаю, обыкновенно продаются учениками одного курса ученикамъ другаго. При выходѣ изъ семинаріи, иные оставляютъ себѣ на память *догматику*, да и то если была своя собственная, а не казенная. Это, сколько мы знаемъ, единая и единственная книга, съ которою семинаристъ выступаетъ изъ школы въ жизнь. Въ прежнія времена, окончившихъ курсъ семинарій снабжали на жизненный путь священной книгою — Библіей; но моло-

дые священники лишены этого счастья, и, грѣхъ сказать, не имѣютъ этой книги, завѣтной для каждаго христіанина,* тѣмъ болѣе священника. Выдаютъ, правда, при выпускѣ учениковъ семинаріи, какое-то врачебное наставленіе (не помню точнаго названія) и *трамоты вселенскихъ Патріарховъ*; но та и другая брошюрка рѣдко у кого хранятся, и еще до поступленія на приходъ теряются. Но вотъ прѣзжаетъ молодой священникъ на приходъ. Послѣ служебныхъ и хозяйственныхъ занятій, въ длинные осенніе и зимніе вечера можно-бы заняться чтеніемъ; но тутъ-то и нечего читать. Пороесть онъ въ церковномъ архивѣ и между метрическими, исповѣдными и другими книгами найдетъ: Слова Кирилла Подольскаго, Гедеопа Полтавскаго, или что нибудь въ родѣ этого. Вотъ и все почти, что можно найти въ церковныхъ бібліотекахъ, разумѣется, кромѣ богослужебныхъ книгъ.

Впрочемъ какъ-бы ни была хорошо составлена церковная бібліотека, она можетъ и должна имѣть только книги исключительно религіозно-нравственнаго содержанія; но священнику, какъ живому члену своего общества, какъ пастырю и учителю своего прихода, цѣлью своего служенія имѣющему не однѣ только религіозно-нравственныя пужды своихъ пасомыхъ, но обязанному, по возможности, удовлетворять и другимъ ихъ требованіямъ, чтобы дать иногда хорошіи

* Тутъ нельзя не поставить на видъ прекраснаго обычая, существующаго у западныхъ христіанъ, напр. Англичанъ, Нѣмцевъ и др., которые кромѣ разныхъ другихъ книгъ духовнаго содержанія, молитвенниковъ и пр., въ каждомъ семействѣ хранятъ *семейную біблію*, которая переходитъ у нихъ изъ рода въ родъ, которую старшій въ семействѣ читаетъ въ праздничные дни въ назиданіе всего семейства, и въ которой, накопецъ, какъ-бы въ лѣтописи, записываются всѣ семейные случаи, обстоятельства и приключенія жизни.

совѣтъ по хозяйству, медицинское пособіе, отвѣтить всякому вопрошающему, — необходимо кромѣ духовныхъ книгъ читать и другіе. Самое приготовленіе къ священническому служенію въ школь располагаетъ къ этому, заставляя кандидата священства изучать естественныя, философскія, историческія и словесныя науки. Гдѣ-же можно встрѣтить въ деревнѣ книги по этимъ наукамъ? Хорошо, гдѣ есть умный, образованный и состоятельный помѣщикъ; тамъ священникъ имѣетъ возможность, при хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику, читать газеты, журналы и хорошія книги. Въ одномъ романѣ * за нынѣшній годъ представлена свѣтлая личность сельскаго священника о. Смарагда, который по крайней своей бѣдности, будучи не въ состояніи выписывать для себя книги, и имѣя непреодолимое желаніе послѣ трудовъ отдохнуть за хорошей газетой или книгой, убѣдилъ своего прихожанина — помѣщика выписывать журналы и книги собственно для себя, такъ какъ самъ помѣщикъ кромѣ французскихъ романовъ не любилъ больше ничего читать. Конечно не въ одномъ только воображеніи романиста существуютъ подобныя отношенія между священниками и нѣкоторыми помѣщиками... Но, какъ бы то ни было, однако, съ улучшеніемъ быта духовенства, не будетъ такого недостатка въ книгахъ, какой вездѣ чувствуютъ теперь. Уже и теперь въ нѣкоторыхъ епархіяхъ обращено на это вниманіе и позволено на церковныя деньги пріобрѣтать нѣкоторые духовныя изданія; въ послѣдствіи времени это дѣло можетъ получить правильную организацію, въ которой примутъ взаимное дѣятельное участіе церковныя братства, приходское духовенство и вообще весь приходъ.

Если-же сельское духовенство, какъ мы выше видѣли,

* *Былые соротились*, соч. Славронскаго, въ жуналѣ *Время*.

нуждается въ книгахъ, то еще больше имѣютъ нужду въ нихъ сельскіе грамотники изъ простолюдыя. Всякій хорошо понимаетъ, что не довольно еще распространить грамотность; необходимо къ тому еще, что-бъ было что читать грамотному человѣку, иначе и грамотность не принесетъ особенной пользы народу. Въдѣ не стоила-бы игра свѣчь, если-бъ простолюдинъ обучался грамотѣ для того только, что-бъ прочесть кой-когда приказъ сотскому изъ стана, или десятскому изъ расправы—выслать такого-то туда-то, или подписать свое имя и фамилію, въ случаѣ сдѣлаютъ выборнымъ. И не для приготовленія-же писарей заводятъ приходскія и другія сельскія школы. Умственное, нравственное, и матеріальное развитіе—вотъ та цѣль, къ достиженію которой грамотность служить самымъ лучшимъ средствомъ. Но этого-то приложенія къ грамотности и не бываетъ на самомъ дѣлѣ. Посмотримъ, какъ бываетъ въ дѣйствительности, чѣмъ и гдѣ сельскій* грамотникъ—простолюдинъ упражняетъ свою грамотность, что онъ читаетъ, и читаетъ-ли даже, что нибудь? Выучившись грамотѣ,—что, какъ извѣстно, означаетъ выучиться бѣгло читать церковную печать и кое-какъ гражданскую, и немножко писать,—новый грамотникъ, выходя изъ школы уноситъ съ собою и тѣ книги которыя изучалъ въ школѣ, т. е. часословъ и псалтырь (если только учился по собственнымъ книгамъ, а не по учительскимъ), и съ этими-же книгами остается на всю жизнь. Имѣетъ другія книги и читать ихъ (кромя божескихъ книгъ, которыя, если хорошо читаетъ и на-

* Городской грамотникъ—простолюдинъ все таки имѣетъ средства прилагать къ дѣлу свою грамотность: по торговой и ремесленной части постоянно встрѣчается необходимость имѣть дѣло если не съ книгами для чтенія, то съ книгами для записыванія прихода, расхода и т. п. статей.

ходится въ хорошихъ отношеніяхъ съ дьячкомъ, читаетъ иногда въ церкви на клиросѣ), ему рѣдко и почти никогда не приходится въ жизни. Учившіеся въ волостныхъ училищахъ, послѣдніе годы, приносятъ иногда съ собою изъ училища нѣкоторыя книги гражданской печати; такъ напр., теперь можно у нѣкоторыхъ воспитанниковъ этихъ школъ встрѣтить иногда басни Крылова, разрозненныя части изъ руководства Главинскаго, *вечерніе рассказы Странника*, *книгу Наула о мѣрѣ Божіемъ*, или что нибудь въ родѣ этого. Случается также иногда, что какой нибудь любитель чтенія на сосѣдней ярмаркѣ у обязательныхъ суздальцевъ между деревянною посудою и картинами, увидитъ *Потерянный и Возвращенный Рай* Мильтона, *Битву Русскихъ съ Кабардинцами*, *Непреборимую Вѣрность*, или что нибудь подобное изъ несложнаго каталога суздальской книгопромышленности; возгорится у него желаніе приобрести книжку, и вотъ онъ платитъ за нее въ три — дорога. Но чтоже потомъ? Не находя для себя въ купленной книгѣ ничего поучительнаго (а поучительное у народа всегда на первомъ планѣ) и занимательнаго, и встрѣтивши притомъ много темнаго и непонятнаго, какъ напр. въ мильтоновой поэмѣ, которая, Богъ знаетъ, какими судьбами сдѣлась популярною русскою книгою, теряетъ всякую охоту къ дальнѣйшему приобрѣтенію книгъ. Такая исторія повторяется почти со всеми любителями книгъ. Иной изъ нихъ обращается къ своему священнику за книгами, но мы видѣли, что священники и сами нуждаются въ нихъ не меньше другихъ.

Все, что мы сказали, подтвердить каждый знакомый съ деревенскою жизнію, и все это приводитъ насъ къ тому, чѣмъ мы и начали, именно, что у насъ грамотному сель-

скому жителю, читать нечего, а если и существует чтонибудь и гдѣнибудь годное и полезное для народнаго чтенія, то все таки не у него подъ руками и въ руки его не доходить. Дешевое, напр., изданіе Новаго Завета на русскомъ языкѣ, и потомъ на славянскомъ и русскомъ вмѣстѣ, предназначавшееся между прочимъ для простаго народа, почти не достигло его, и разбрелось Богъ знаетъ гдѣ и какъ, но только у сельскихъ грамотниковъ со свѣчей поискать этой книги, такъ и то не найдешь. Приобрѣсть эту книгу постоянному сельскому жителю очень нелегко. Мы были разъ свидѣтелемъ, какъ на одной ярмаркѣ какой-то грамотникъ торговалъ у суздальца Евангеліе. «Эта книга не то, что другіе, а книга—Евангеліе; за нее не грѣхъ взять не только три съ полтиной (т. е. рубль серебромъ) а прямо два карбованца,» убѣждалъ торговецъ покупателя, и таки убѣдилъ за книгу, стоящую 20 коп. сер. заплатить рубль. Многіе-ли изъ простонародья въ состояніи платить за книги *рубль*, когда у нихъ и *коплекъ* не много?...

Итакъ, мы видѣли, что крайняя нужда належитъ въ книгахъ для чтенія людямъ, живущимъ въ селахъ и деревняхъ. Существуетъ *запросъ* (употребимъ выраженіе политико-экономическое), должно-же быть и *предложеніе*. Что-же предлагаютъ на запросъ? Настоящій годъ не бѣденъ предложеніями этого рода. Мы старались досель показать, какъ настоятеленъ запросъ; посмотримъ теперь, каково предложеніе.

Сознательное убѣжденіе въ необходимости дать народу годное для него чтеніе, а быть можетъ и нѣкоторые другіе соображенія, вызвали изданіе такъ называемыхъ *народныхъ* журналовъ и газетъ. Въ настоящемъ году ихъ издается достаточное количество. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми, вы-

ходившими и въ прошломъ году и еще даже раньше, вотъ какіе извѣстны намъ народныя журналы и газеты: 1) *Мирское Слово*, 2) *Народная Газета*, 3) *Народная Иллюстрація — Воскресный Досугъ*, 4) *Грамотный*, 5) *Народная Бесѣда*, 6) *Народное Чтеніе*, сюда-же можно отнести наконецъ и журналъ 7) *Самообразование*.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вышла и поступила въ продажу книга: «*Въ защиту русскаго православнаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій.*» Соч. Экстраорд. профес. С.-Петербург. Дух. Академіи *Андрея Предтеченскаго*. 1863 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Требованія на означенную книгу можно адресовать въ Канцелярію С.-Петербургской Дух. Академіи. Здѣсь же можно получить книгу того-же автора: «*О необходимости священства противъ безпоповцевъ.*» Цѣна 1 рубл. съ пересылкою.

Содержаніе: I. Тайна первороднаго грѣха. II. Замѣтки по поводу народнаго обычая начинать обученіе дѣтей грамотѣ со дня св. пророка Наума. III. Поученіе противъ непосѣщающихъ храма въ праздничные дни. IV. Опытъ объясненія надписаній псалмовъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ, (окончаніе.) V. Некрологъ. VI. Народныя русскія журналы и газеты въ 1863 году. VII. Библиографическое извѣстіе.

Редакторъ, *Прот. Н. Дулитрашино*.

Печатать позволено 1863 г. Ноября 30 дня. Цензоръ, *Прот. Катраповъ*.

Полтава: Въ типографіи Н. Пигуренко.